

INSPIRIA

И
ВДРУГ
ТЕБЯ
НЕ
СТАЛО

ЭР ДЖЕЙ
ДЖЕЙКОБС

INSPIRIA

Ток. Ненадежный рассказчик. Настоящий саспенс

Эр Джей Джейкобс

И вдруг тебя не стало

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Джейкобс Э.

И вдруг тебя не стало / Э. Джейкобс — «Эксмо», 2019 — (Ток. Ненадежный рассказчик. Настоящий саспенс)

ISBN 978-5-04-116134-7

Эр Джей Джейкобс — не только замечательный писатель, но и практикующий психолог. Когда дело касается раскрытия внутреннего мира персонажей, ему нет равных. С хирургической точностью он описывает маниакальные мысли, одержимость и горе — все то, что обычному человеку трудно выразить словами. Этот захватывающий и местами жуткий психологический триллер становится все страшнее с каждой страницей — настолько он правдив. После многолетних попыток взять под контроль свое биполярное расстройство Эмили Файерстоун, наконец, в норме. Жизнь начинает налаживаться: у нее отличная работа, своя квартира и парень, Паоло, который ее обожает. Когда он предлагает устроить небольшое морское путешествие на выходных, Эмили соглашается: вино, вода и любимый мужчина - что может быть лучше? На следующее утро после отплытия Эмили просыпается - лодка все еще плывет по течению. А Паоло вдруг не стало. Он не мог утонуть. С каждой минутой Эмили становится все сложнее сохранять рассудок и оставаться на плаву. Куда исчез Паоло?

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-116134-7

© Джейкобс Э., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	37
Глава 7	42
Глава 8	45
Глава 9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Эр Джей Джейкобс И вдруг тебя не стало

R.J. Jacobs
AND THEN YOU WERE GONE
© 2019 by Robert Raymond Jacobs

Редактор серии Ю. Чернова
Оформление серии Я. Паламарчук

© Пудов А., перевод на русский язык, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Эр Джей Джейкобс работает психологом с 2003 года. Он ведет частную практику в Нэшвилле, уделяя внимание широкому кругу клинических проблем.

После прохождения ординатуры в Вандербильте он преподавал патопсихологию и выступал на многочисленных конференциях. Сейчас он регулярно занимается посттравматическим стрессовым расстройством у ветеранов.

«И вдруг тебя не стало» – его дебютный роман, который был опубликован в 2019 году издательством Crooked Lane.

«Один из самых сильных элементов в этой книге – понимание Джейкобсом психологического состояния главной героини. Он сочувственно описывает ее стрессы и мании. Особенно когда все, что у нее остается, – это простое желание выжить. Болезненная и драматическая история».
Mystery Scene Magazine

«Потрясающий психологический триллер с извилистым сюжетом, исход которого никому не предугадать. Советую очень пристально следить за творчеством Джейкобса!»
Red Carpet Crash

«Джейкобс, как практикующий психолог, создает глубокий и запутанный триллер, наполненный отвлекающими маневрами, множеством сюжетных поворотов и замечательным главным персонажем, которому легко прощать ошибки. Эта книга схватит вас за руку и не отпустит до самого конца».
Publishers Weekly

Бобу и Линде

Глава 1

Черные волосы Паоло развевались на ветру и падали на солнечные очки, которые он всегда носил. Как-то раз Паоло признался, что, по его мнению, в них он выглядит как знаменитость: тогда он не смог подобрать правильное слово по-английски и сказал просто – «как в Голливуде». Но потом, когда я дразнила его «мистером Голливудом», Паоло хмурился и обижался, так что я бросила это. Но воспоминание все равно заставило меня улыбнуться. Всю дорогу до озера одна его рука лежала на руле джипа, а вторая – на моей ноге. Это были первые выходные октября, но погода стояла теплая, почти как летом.

– Какая-то ты подозрительная, – произнес он.

– Я?

Я не видела его глаз за темно-серыми стеклами очков.

– Ты... как вы это называете? *Беспокойная*. Ты что-то скрываешь, – дразнил Паоло. Его голос был едва слышен из-за ветра. – Чему ты там улыбаешься?

Я покачала головой и включила радио как раз в тот момент, когда заиграли «Братья Оллман».

– Погоди, это же «Бродяга», да? – Он радовался, что смог вспомнить. – Последняя песня была об эрекции Боба Сигера. – Он жил в этой стране меньше двух лет, но все схватывал на лету.

Двигатель взревел.

– Тебе понравится эта пристань, Эмили: аккуратные лодочки, ослепительно-белые паруса. Крепко. Все. Крепко, – сказал он, соединив большой и указательный пальцы и поджав губы.

Я громко рассмеялась, закатив глаза, и он это заметил.

– Я думала, ты уже не пытаешься произвести на меня впечатление, – сказала я. – Давным-давно. – В самом начале отношений я бы добавила в голос металла, попыталась бы быть пожестче. Но сейчас, через год, я уже не давала себе такого труда.

Паоло покачал головой и улыбнулся.

– Ладно, доктор Файерстоун.

Он сам почти закончил писать докторскую диссертацию, но любил подшучивать надо мной из-за того, что я психолог. Словно оценивать Паоло было моим основным интересом. Он шуточно поднял руки, будто защищаясь.

– Что поделать, я люблю красивые вещи. Это не худшее мое качество.

– Может быть, и худшее.

Паоло задумался на секунду дольше, чем я ожидала.

– А какое у меня? – игриво спросила я.

– Ты упрямая, – ответил он. – И думаешь, что можешь все.

– Это две характеристики.

– Ты думаешь, что можешь все. Это хуже всего, – заключил он. – И это первопричина всего остального.

Было неприятно, но сегодняшнее веселье ничто не должно было нарушить. Паоло казался расслабленным – я не видела его таким уже несколько недель. Если он собрался вытащить меня в открытую воду, то ссориться нам точно не стоило.

Любовь к Паоло напоминала мне езду на полной скорости в джипе с распахнутыми дверями. Весь мир проносился мимо, как размытое пятно, но он оставался в фокусе, даже когда я представляла, что падаю на тротуар. Ведь если я упаду, то разобьется только мое сердце, не так ли?

Я взяла телефон. Связи не было. Я попробовала зайти в Интернет, перезагрузив несколько раз страницу. Ничего. Никаких сообщений.

– Сколько еще ехать? – спросила я.

– Что ты там смотришь? – Паоло ответил вопросом на вопрос. – Я гарантирую, беззащитные детишки Теннесси одну ночь переживут без тебя.

– Минуточку. Самый большой трудоголик, которого я знаю, придирается ко мне из-за желания проверить электронную почту? – Я сжала его плечо.

Паоло подмигнул в ответ.

– Хм... Как дела в лаборатории? – спросила я немного погодя. Моя рука переместилась с его плеча к маленьким завиткам над ухом. – Ты даже не говорил о работе на этой неделе.

– Отлично, – сказал Паоло. – Я оставил работу на выходные.

Улыбаясь, я изобразила удивление:

– Ты вообще ничего не собираешься проверять? Ничего, что можно было бы отправить доктору Сильверу? Никаких вопросов, которые не могут подождать до утра?

Паоло взглянул на меня и улыбнулся. Он переключил передачу, и звук двигателя опустился на октаву ниже.

– Все выходные? Даже если тот парень... Как его зовут, он еще постоянно смотрит тебе в рот?

– Мэтт.

– Даже если Мэтт подожжет лабораторию?

– Даже тогда – нет.

На самом деле я скорее изображала удивление. Научный руководитель Паоло по исследованиям, Джей Сильвер, был известен своей преданностью науке. Казалось, этот человек не знал границ между рабочими часами и личным временем: иногда он звонил Паоло по телефону с вопросами или идеями еще до восхода солнца – привычка, которую Паоло оправдывал, убеждая меня, что это все из-за давления грантового финансирования, издательской деятельности, грантов НИН. Я удивлялась звонкам Сильвера в столь необычные часы, пока не поняла, что Паоло, похоже, не возражает. Кто я такая, чтобы читать лекции о сдержанности и балансе?

Когда Паоло затих, я подумала, что на него давят мысли о работе. С другой стороны, если бы я позволяла себе вспоминать о том, что Паоло рассказал мне про эпидемии, я бы тоже не спала по ночам. Он говорил: дело не в том, разразится ли вообще эпидемия, а в том, когда она возникнет, ведь из-за глобализации вспышка в одном месте может означать вспышку везде. В половине больниц страны в случае серьезной вспышки койки закончатся в течение трех недель.

В среднем вспышка H1-N24 происходила каждые два года – временные рамки, которые, казалось, подпитывали стремление ученых создать вакцину.

Паоло трезво отмечал, что у каждого в лаборатории есть план, куда идти, если начнется эпидемия. У меня же от всего этого глаза на лоб лезли от ужаса. Я не знала, понимает ли он до конца, насколько мне дискомфортно, когда он говорит об эпидемиологии, замечает ли, как я вздрагиваю, или как у меня сводит пальцы, или как наполняются слезами мои глаза, когда он описывает потенциальное распространение вируса, погубившего моего отца: первого американца, который заразился H1-N24 и умер от него. Центр по контролю и профилактике заболеваний США в Атланте держал его тело целых две недели после того, как его привезли обратно в Штаты.

Я выбросила мысли об отце из головы и сосредоточилась на дороге, по которой мы мчались, и на круглых пурпурных цветах, яркими пятнами проплывающих мимо. Когда Паоло зарабатывался допоздна, я думала о том, как его исследования спасут жизни – не дадут детям лишиться родителей. Это было то, на чем я сосредоточивалась, когда Паоло не отвечал мне часами.

– Что ж, тогда за свободу, – подняла я невидимый бокал шампанского.

Он быстро показал мне большие пальцы.

– Мы почти на месте.

Было похоже, что мы почти на краю света. Только почтовые ящики время от времени отмечали протоптанные подъездные дорожки, которые выплывали из густых кустов.

Джип тряхнуло, и я сложила руки на животе, чтобы подавить подступающую тошноту. Я откинулась на спинку сиденья, медленно вдохнула через нос, задержала дыхание на два счета, пока мои легкие не стали полными, – та же техника расслабления, которой я учила моих пациентов. Должно быть, только любовь заставила меня согласиться провести ночь на яхте на самом большом озере Теннесси.

Я протянула руку к бутылке Паоло из нержавеющей стали, из которой он всегда пил. Но он накрыл мою руку своей, а потом коснулся горла.

– Не пей после меня. У меня горло болит, – пояснил он.

– Ой, ради бога.

– Серьезно, – сказал он. – Я настаиваю. Как твой личный микробиолог.

Я положила руку на сердце.

– Мой *собственный*? Неужели? *Мой личный*? Мне это определенно нравится.

Мы миновали руины дома. Крошащийся кирпич был выкрашен в белый цвет. Крыша обрушилась, будто на нее наступили сверху. Черные пятна краски или пепла – я не могла сказать, чего именно, – окантовывали окна.

– Мы действительно почти приехали? – Я подняла телефон к небу. По-прежнему ничего.

– Ты действительно думаешь, что я не знаю дорогу? – произнес Паоло с усмешкой. Он показал свои кривые зубы, и его лицо стало еще хитрее.

Думаю, мы оба были не уверены.

Краем глаза я видела металлический футляр, в котором лежала его камера.

– Ты уже фотографировал здесь раньше, верно?

Он снова перевел взгляд на дорогу и сбросил скорость, когда мы стали входить в извилистый поворот.

– Прошлой осенью.

Внезапный изгиб дороги застал меня врасплох. Когда дорога вновь стала прямой, Паоло произнес:

– Все цвета отражаются в озере, как в зеркале. Одна сторона реальная, другая – как на картине, будто сделанная крошечными мазками кисти.

Паоло всегда с большим волнением говорил о фотографии. Я представила его с камерой на шее в прошлом году, в его первую осень в Штатах. Бесконечные красные и золотые цвета повсюду. Наивность в его глазах, искреннее удивление.

Дорога сузилась еще сильнее. Шины джипа с правой стороны захрустели по гравию. Мы миновали указатель на пристань. На стоянке машина притормозила, и у меня возникло ощущение, как будто я целый день каталась на американских горках и еще не ступила обратно на твердую землю.

Но Паоло уже вышел из джипа.

– Идешь?

– Просто немного укачало, – ответила я. – Дай мне две минуты.

– Я возьму лодку, хорошо? Сейчас вернусь.

Тропа вела через лес к пристани. Паоло буквально побежал. Я обошла джип спереди. Меня вырвало, и я полезла в сумочку за жвачкой. Моя рука скользнула по пузырьку с лекарством, которое я на всякий случай привезла с собой.

«Не сейчас, – подумала я. – По крайней мере, доберусь до лодки».

Вслушиваясь в ленивое жужжание вечерних насекомых, я взяла себя в руки. Когда Паоло вернулся, он был сам не свой от восторга.

– Лучше? – спросил он. Я покачала головой.

Паоло нашел тюбик солнцезащитного крема.

– Повернись, – попросил он.

Паоло спустил бретельки моей майки. Солнце припекало мне кожу, и от прохладного солнцезащитного крема меня пробрала дрожь. Своими мягкими руками он водил вверх и вниз по моим плечам, и эти ощущения заставили меня забыть обо всем на свете. Мой желудок успокоился.

– Ты прекрасна, – произнес Паоло.

Я повернула голову.

– Я уже согласилась поехать. Ты ведь понимаешь это, да?

Он игриво рассмеялся, коснувшись кончиками пальцев моих плеч.

Паоло взял холодильник, а я – рюкзак с остальными вещами. На каменистой тропинке к моим сандалиям пристал известняк. Плечи Паоло согнулись под тяжестью холодильника, который бил его по спине. Он что-то сказал о том, что все вокруг было когда-то под водой.

Все вокруг.

Внезапно мне захотелось, чтобы Паоло рассказал мне одну из историй о себе и своих братьях. Так он отвлек бы меня, и, возможно, все происходящее показалось бы мне нормальным. Я представила себе их улыбки и загорелые плечи, и как они бродят с тростниковыми удочками по Аргентине. Какая-то часть меня с нетерпением ждала, когда у Паоло появится шанс рассказать о себе, впустить меня в свою жизнь, даже если в этот год я и была все еще единственной, кто говорил о *партнерстве* и *совместной жизни*.

Когда я закидываюсь на чем-то, я плохо понимаю разницу между тем, чего я хочу, и тем, что должно быть. Влюбленность давала мне чувство освобождения, облегчения. Опасность состояла в том, что подобная потеря контроля только усиливала страсть. Мысль о том, что любить его – это ужасная идея, со временем меня оставила, но отдаваться ему полностью все еще казалось по-настоящему глупым. Как я могла не замечать, что он где-то далеко даже в самые наши интимные моменты? Иногда, когда мы заканчивали заниматься любовью, он брал свой телефон и исчезал в другой комнате, оставляя меня одну. Я никогда не видела, чтобы он провожал глазами другую женщину, но что-то мучительное, похожее на ревность, не давало мне покоя. В глубине души я знала, что его сердце принадлежит не только мне.

У меня над губой выступил пот. Я почувствовала вкус солнцезащитного крема. Когда мои сандалии коснулись деревянной палубы, солнце отразилось от воды десятью тысячами свечек. Паоло указал на взятую напрокат яхту, и я кивнула. Он взял меня за руку и повел за собой, но обернулся, почувствовав сопротивление.

– Что случилось? – спросил Паоло, теперь уже мягким, понимающим голосом. – Тебя все еще тошнит?

Его пальцы переплелись с моими, а глаза были цвета шоколада.

– Я в порядке, подожди минутку.

– Мы отплывем совсем недалеко, правда.

– Мы сможем вернуться, если я почувствую себя нехорошо?

Паоло засмеялся.

– Конечно, только вот почему ты плохо себя почувствуешь? На яхте тебя не укачает.

Я лишь пожала плечами.

Он говорил так легко и уверенно, а я не собиралась вести себя как ребенок.

– Мы порыбачим ночью, сделаем несколько снимков, насладимся закатом, проснемся вместе. Романтично.

Паоло сложил руки вместе, как будто только что принял решение, и снова зашагал по причалу.

– Мы не поплывем на Кубу. Обещаю! Это идеальное место, и я хочу им поделиться с тобой.

Я тоже этого хотела. Паоло указал на сапфировый горизонт и протянул руку, чтобы помочь мне взобраться на причал. Я подозревала, что меня может снова вырвать, но глубоко вздохнула и расправила плечи.

Напротив ряда раскачивающихся яхт стояли бородатые проводники-рыбаки, пускали дым и обменивались шутками по поводу моих телодвижений. Я слышала щебет птиц, высохшие от солнца доски скрипели под моими ногами. Сосны вокруг озера выглядели так же, как на старинных открытках: величественно, мудро – хотя берег был слишком далеко, чтобы толком его разглядеть. Сама яхта оказалась просторнее, чем я ожидала, с прочной стекловолоконной палубой и темно-синими разбросанными подушками. В центре был проем, через который я увидела темный угол простыни.

– Смотри, как красиво, – ободряюще сказал Паоло.

Я, в свою очередь, бесилась от того, что настолько беспомощна, хотя и хотела, чтобы он принял иррациональную часть меня.

– Мне, как и любому нормальному человеку, нравится на все это смотреть, но приближаться к этому мне совсем не нравится.

Я закрыла глаза, почувствовав дурноту.

– Эй, – его голос был легкий, как ветерок. – Все в порядке. Завтра мы вернемся в Нэшвилл и поедem кататься, куда захочешь. – Паоло положил руку на сердце. – Обещаю.

Он мягко развернул меня за плечо, указывая на то место, где, по всей видимости, должно было зайти солнце. Я взглянула на проводников, на голубую дымку вокруг них. Я нервно выкрутила пальцы.

– Если тебе совсем не понравится, мы вернемся. Я и близко не подойду к акулам.

Эти слова меня рассмешили.

– Правда? – сказала я. – А я так надеялась на встречу с акулой.

– В таком случае тебе придется подождать. Надо договориться. Сейчас вернусь, – крикнул Паоло, направляясь к стойке проката. – Никаких акул на этом маршруте. – Его улыбка сверкнула в слепополуденном солнце.

Когда он скрылся из виду, я ступила на белую палубу и сплюнула за борт. Я говорила себе, что погода будет идеальна для плавания, а немного алкоголя облегчит грызущую боль в животе, отвлечет от чувства беспомощности. Я схватила с вешалки два спасательных жилета и нырнула в каюту, которая, с одной стороны, выглядела удобной, но пахла при этом как лесной палаточный лагерь. Липкие деревянные панели вдоль стен. Матрас, напоминающий кафельный пол. Через иллюминатор я увидела Паоло, машущего проводникам. Я представляла, как мы отправляемся, а на закате вместе бросаем якорь. Мое сердце трепыхалось, как флаг на ветру.

Наверху я проверила телефон. Связи не было. Мысли разбредались в разные стороны, но я пыталась сосредоточиться. Страх оказаться на открытой воде, а точнее, чувство беспомощности, которое ассоциировалось с ним, не должно портить мне жизнь.

Я помогаю людям побеждать страхи. Конечно, я могу помочь и себе. Организовать свое время, сосредоточиться на других вещах, занять себя. Потягивать вино. Я открыла холодильник и опустила руку в лед, в котором лежало наше шардоне. Взглянула на часы. В принципе, мне нельзя было выпивать в течение еще тридцати минут, но была все-таки суббота, поэтому я начала рыться в поисках пластиковых стаканчиков. Мои пальцы нащупали стеклянный цилиндр, вытащили его, ухватились за крышку и повернули. Печать рассыпалась крошечным фейерверком.

Я запила ативан быстрым глотком прохладного вина и налила немного Паоло.

Когда он вернулся, мои ноги уже лежали на перилах, а я смаковала во рту остатки вина, которого себе налила. Небо немного покалывало, и оно онемело. На мне была шкиперская

шляпа, которую я нашла в каюте, и спасательный жилет. Паоло цокнул языком, покачал головой и улыбнулся, словно понял, что я приняла таблетку. Вероятно, это было очевидно.

Лицо Паоло было гладким, когда он наклонился, чтобы поцеловать меня.

– Чувствуешь себя лучше?

– Я стараюсь. Думаю, скоро будет лучше.

В дальнем конце дока на пилоне неподвижно сидел зимородок. Вдоль дамбы несколько крапивников нетерпеливо вглядывались в рябь. Паоло опустил в лодку желтое ведро с наживкой, и крапивники, казалось, унюхали его содержимое.

Я потягивала холодное шардоне и смотрела вниз на суетливо мечущееся облако серебряной рыбы, борясь с желанием вылить вино за борт. Я попыталась вручить Паоло спасательный жилет, но он сделал озадаченное лицо и отмахнулся.

– Ты планируешь упасть? – спросил он.

– Безопасность превыше всего, – ответила я ему.

Паоло рассмеялся.

– Обычно ты не так говоришь.

Он опустил на колени и начал расчищать в каюте место для камеры. В прошлом году он научил меня нескольким азам работы с фотоаппаратом, в основном для того, чтобы я могла снимать его команду по софтбоу. Но большую часть игр я проводила, фотографируя дочь его друга Кола, Оливию, которая обычно сидела рядом со мной на трибунах, пока Паоло и ее отец играли в мяч.

– Когда я выиграю Пауэрболл, – крикнул Паоло, – я стану знаменитым фотографом дикой природы.

Он говорил это каждую субботу.

Затем он повернул ключ, и крошечный моторчик закашлял.

– Просто чтобы убраться с пристани, – сказал он. – А потом – только ветер.

На выходе из пристани он прибавил газу.

Двигаться было приятно. Ожидание – худшая часть страха.

Когда мы оставили позади другие лодки, он выключил мотор и поднял парус.

– Мои братья заклевали бы меня за то, что я воспользовался двигателем.

Он сделал глоток вина, запрокинул голову назад, подставив лицо солнцу, и сглотнул. Его кадык подпрыгнул, как у птицы, поедающей рыбу.

– Теперь ты в порядке? Правда, Эмили? – *Эм-и-ли.* – Если что-нибудь случится – а ничего не случится, – мы просто поплывем обратно. Ты будешь видеть берег – посмотри-ка. В худшем случае я потеряю очки. Но не тебя.

– Я вообще не умею плавать.

Мой голос прозвучал совсем жалобно, когда я это сказала. Это было фактически признание, и я чуть не расплакалась, ведь показывать даже ему, что я настолько уязвима, было как будто глупо. Без спасательного жилета я просто камнем пойду ко дну.

Паоло недоверчиво скривился.

– Что, ты имеешь в виду *вообще*?

– Вообще не умею. Это не то, чем я горжусь. Я всегда работала летом, потом начала играть в футбол.

– И не плавала в бассейне с друзьями?

Я покачала головой.

– У моих друзей не было бассейнов, только общественные, в многоквартирных домах.

– Или в загородных клубах? – Он прикрыл рот рукой и улыбнулся.

– Я никогда не пойму твоего увлечения загородными клубами. Ближе всего мне доводилось подходить к бассейнам, когда я забирала напитки из-за стойки бара.

Он продолжал на меня давить.

– Я думал, в Америке все умеют плавать.

Он стал загибать пальцы и продекламировал список:

– Гольф, теннис, плавание...

– У меня был один или два урока плавания, но я их люто ненавидела. Хотя и встречалась со спасателем в одиннадцатом классе. – Я сообщила об этом только потому, что Паоло сам запросился. Я сложила руки на груди и лукаво добавила: – Он не был заинтересован в том, чтобы давать мне уроки плавания.

Паоло стиснул зубы, чувствуя, как распространяется боль от этого удара, и снова посмотрел на горизонт.

Я смирилась с мыслью, что Паоло появился на свет не в ту ночь, когда мы познакомились. Я хотела знать имена его бывших и их истории, несмотря на то что выслушивать это было неприятно. Я была из тех, кто любит ходить по траве босиком, даже несмотря на раны или укусы насекомых, которые всегда это сопровождают. Со своей стороны, Паоло находил упоминания о моих бывших недопустимыми.

Волны бились о борт лодки. Я поджала пальцы ног в сандалиях. Я освободила руки и положила ладонь Паоло на плечо, будто извиняясь. Он потерся о нее щекой – сообщить, что все в порядке, но его глаза все еще были устремлены вперед. Я опустилась на теплую пластиковую подушку и поправила новую шляпу. Оглянувшись, я заметила, как быстро исчез пирс.

На озере я почувствовала запах, который, как мне показалось, может иметь облако – противоположный запаху пыли. Воздух словно заставлял мое тело наполнять легкие, и оно подчинялось.

Лодка взлетала и падала, взлетала и падала. Я сняла майку и позволила коже впитать солнце. Мои глаза закрылись, но к горлу подступила тошнота, и мне снова пришлось их распахнуть. Когда мы замедлили ход, я почувствовала, что мои пальцы разжались. Вздох, который застрял у меня в груди, наконец вырвался.

Оглянувшись на берег, я с трудом разглядела причал. Зонтики на площадке походили на раковины голубых жуков, врытые в каменистый песок. Паоло взял из каюты футляр с камерой и открыл его. Я увидела мягкий лоток с черными объективами.

– Я хочу снять эти деревья, – сказал он, кивая на берег.

Я оглянулась через плечо. Береговая линия была неровной, песчаной, и лодка качалась.

– Деревья? Разве движение лодки не...

– Свет сейчас просто идеальный.

Паоло опустил на колени, чтобы не упасть, и поправил объектив. Камера щелкнула у него в руках; в мире не было другого звука, похожего на этот.

– Я подумал, – произнес он через мгновение, – а не имеет ли биполярное расстройство отношение к тому, что ты не плаваешь?

Паоло всегда понижал голос, когда говорил о биполярном расстройстве, как будто это был секрет.

– Биполярность означает, что я очень много чего делаю, – сказала я ему.

– Серьезно, – сказал Паоло, прищурился и еще раз взгляделся в береговую линию.

Я допила вино из своего стаканчика, а затем потянулась, чтобы налить себе еще.

– Я расскажу тебе одну историю. То, как ты произносишь слово «биполярное», напоминает мне о моей бабушке со стороны отца, которая пыталась убить себя почти каждое лето, обычно бросившись в реку Камберленд. Когда мне было лет десять, дедушка однажды ответил на телефонный звонок и сказал: «Да-да, хорошо, хорошо». Потом он резко положил трубку и сказал, что бабушке Джейн нужна наша помощь. Дедушка схватил потрепанную веревку из своего сарая и пару светлых аквапалок для бассейна, и мы быстро укатили в его «Бьюике» к реке. И там я увидела, как бабушка бредет по пояс в воде.

Паоло щелкнул фотоаппаратом и сощурился, не отрывая глаз от берега. Он промолчал.

– Я все еще слушаю, – заверил он меня.

– Дедушка завязал узел вокруг бампера, затем просунул веревку через петли на поясе. Он взял по аквапалке в каждую руку и сказал мне, что, если они оба пойдут ко дну, то нужно будет сдать на машине назад.

Паоло покачал головой.

– Тебе было десять?

– Около того. Я почти ничего не видела за приборной доской. Затем дедушка спустился по трапу в шлюпку и позвал бабушку по имени. Когда он обнял ее, она попыталась вырваться. Я была уверена, что они оба утонут. Бабушка колотила его в грудь и била ногами воздух, пока он нес ее к машине, но когда она увидела меня, то остановилась, словно щелкнул выключатель. Бабушка улыбалась и пожимала плечами, выжимая волосы и спрашивая меня, могу ли я вообще поверить, что она устроила такой бардак. Потом дедушка отложил аквапалки и веревку и сказал мне, чтобы я не волновалась по поводу мокрых сидений. Через десять минут у нас по пальцам уже стекало мороженое в ресторане «Молочный соус Бобби». Поэтому, когда ты спрашиваешь меня о биполярном расстройстве, я не собираюсь отрицать, что оно есть. Но я не такая, как она. Я просто напряженная. Сосредоточенная.

Паоло, казалось, пытался смотреть только на меня, но его взгляд все время возвращался к изображениям в его камере. История оказалась немного более интимной, чем я предполагала, поэтому его поза была напряженной и неловкой.

– Думаешь, поэтому тебе не нравится вода? Потому что ты не могла пойти к своей бабушке?

– И да, и нет. – Если бы все было так просто. – Ее походы вброд по реке ситуацию не улучшили, но мой страх уходил своими корнями не туда. Мой единственный инструктор по плаванию держал мне голову под водой, пока я не начинала паниковать. Однако мне кажется, я боялась еще до этого. – Моя рука упала на грудь, когда я искала способ описать это чувство. – Когда я в воде, я бессильна. Я ощущаю, что меня тянет вниз.

«Проглатывает», – почти сказала я. Или засасывает, как будто я погружена в ощущения, которые не могу контролировать. Я поняла, что мой пульс участился.

– Давай поговорим о чем-нибудь другом. Ты так серьезно ко всему этому относишься. Я в порядке, и она была в порядке. Она дожила до счастливой безумной старости.

Но я намеренно выкинула из этой истории весь подлинный ужас: воспоминание о мягком ковре в дедушкином доме, по которому я прыгала, когда раздался звонок. О поверхности воды, которая словно зеркало отражала совсем другую бабушку. О том, как фартук, завязанный сзади, несло течением, а ее окрашенные перекисью волосы развевались вокруг головы, как белое торнадо. Когда мой дедушка протянул руку, она закричала не своим голосом. Когда ее крики стихли, в тишине я слышала шум мотора и шелест ветра в дубовых ветвях. Возможно, откуда-то донесся гудок баржи. По дороге домой бабушка подпевала трескучему радио, а небо темнело, приобретая цвет, которому нет названия.

Я приложила руку к груди. Моя ладонь была холодной от стакана с вином.

– Мое биполярное расстройство не такая уж страшная вещь, – заверила я Паоло.

Но это была ложь. Даже если большую часть времени я и могла нормально функционировать. Все было очень страшно – гораздо хуже, чем я пыталась заставить его думать.

Глава 2

Паоло опустил глаза, на секунду задумался, потянулся и взял стакан. Глоток – и в его глазах снова появилась игривая искорка.

– Хочешь покажу, как искать рыбу?

Он сунул руку в футляр и протянул мне круглый кусок пластика размером с тарелку для соевого соуса.

– Это фильтр.

Я зажала его между большим и указательным пальцем.

– Что он фильтрует?

– Фильтр делает цвета ярче, убирает помутнения и тому подобное. Это – поляризатор, наверное, самый важный. Некоторые вещи ты можешь улучшить на компьютере, но поляризатор меняет то, что ловит камера – вещи, которые ты не можешь добавить или убрать.

Мне нравилось, когда Паоло говорил как ученый.

– Противоположность вспышки.

– Да, в каком-то смысле. Поляризатор в основном устраняет отраженный свет, который для камеры делает небо более голубым, облака – более воздушными. Посмотри на воду без него, и ты просто увидишь блеск на поверхности, отражение. Но с фильтром...

Паоло защелкнул фильтр, затем указал на воду и передал мне камеру, наблюдая за выражением моего лица.

Дисплей представлял собой широкий прямоугольник, достаточно большой для нас обоих. В нем вода казалась прозрачной, как в аквариуме.

– Неплохо, правда? Именно поэтому рыбаки носят поляризованные солнцезащитные очки.

Даже после года, проведенного вместе, Паоло все еще учил меня чему-то новому. У меня все еще дрожали ноги, но я должна была отдать ему должное – следить за рыбой оказалось более захватывающе, чем я ожидала. Я снова села и приподняла солнцезащитные очки, которые постоянно сползали мне на нос.

– Этот топ совсем не обязательно должен быть на тебе.

Он приподнял бровь, без сомнения, зная, что я в одном бокале вина, чтобы действительно снять его.

Возможно, я бы так и поступила, если бы не звук приближающейся лодки. Гортанное тархтение старого мотора, отзвуки детских голосов: только обрывки слов и восклицания, целые фразы терялись в шуме ветра. Паоло насмешливо посмотрел на меня, потом на приближающуюся лодку, замедлившую ход. Я немного приподнялась.

На лодке была семья – два бледных родителя, по-видимому, со Среднего Запада, и трое детей младшего школьного возраста. Намазанные кремом от загара, они обходили друг друга и тихо спорили, как будто уже придя к какому-то решению. Отец помахал нам рукой. Паоло закатил глаза так, чтобы заметила только я, поскольку никогда не вел себя грубо. Он наклонился к ним.

– Тут есть какие-то особенные места для рыбалки? – спросил отец.

– Не в это время дня, – произнес Паоло. – Лучше рыбачить ближе к берегу утром, но сейчас нет никакой разницы.

– Первая поездка к озеру, – сообщил отец, выключая двигатель.

Я заговорила со старшим мальчиком, который, приподняв ногу, гордо стоял рядом со своим отцом.

– А ты? Наслаждаешься летними каникулами?

Он застенчиво кивнул; когда двое младших детей сцепились у него за спиной – началась внезапная потасовка.

Потом на них прикрикнула мать, и детские голоса стали громче.

– Ты! – произнес один ребенок.

– Я ничего не делал! – настаивал другой.

Они столпились на носу и вглядывались в поверхность воды.

– Что-то случилось? – удивился Паоло.

– Ключи! – закричала обеспокоенная мать, театрально обняв себя руками. На секунду я подумала, что она имела в виду конкретное место у побережья Флориды, но она, конечно, имела в виду те ключи, которыми заводили лодку. Младший ребенок засмеялся.

Я взглянула на оранжевый поплавок, приставший к нашей яхте.

– Будет весело.

Паоло снял белую рубашку и бросил ее на сиденье рядом со мной, открыл консоль и вытащил маску для ныряния.

– Что будет весело? – Мой голос звучал пронзительно и даже более взволнованно, чем голос матери на другой лодке. – Что ты имеешь в виду под «весело»?

Паоло легонько сплюнул в маску и протер слюной пластиковую поверхность. Он двигался порывисто, готовясь к этому приключению. Как и я, Паоло имел вкус к острым ощущениям. Я поняла, что вцепилась в поручень, и та часть меня, которая привыкла к воде, отступила. Я снова почувствовала себя беспомощной. Я даже представить себе не могла, что он собирается делать.

– Будет холодно, – сказала я.

Мать семейства с благодарностью посмотрела на Паоло, увидев, что тот спустил ноги с края лодки.

Он покачал головой, глядя на меня.

– Не волнуйся, – сказал он, натягивая маску на глаза. – Я плаваю лучше, чем твой спасатель.

И вдруг он упал, исчез под водой.

Я напомнила себе, что потом, возможно, посмеюсь над этим. Я схватила камеру Паоло и встала, направив объектив на облако его темных волос. Глубина казалась непостижимой, как будто дна вообще не было. Море играло накатывающими волнами, как мускулами.

Я старалась не думать о том, что совершенно нереально найти связку ключей в таком большом и глубоком озере, однако только сильнее любила его за то, что он пытается. Через объектив камеры все выглядело как в кино, и я вспомнила полосы солнечного света на занавесках этим утром и тепло наших переплетенных тел. На другой лодке семья смотрела на поверхность воды, по которой проплывала тень от облака. Кровь пульсировала у меня на шее.

Прошла минута, показавшаяся мне десятию. Потом начали кричать дети, и отец взялся за голову, когда рядом с их громоздким мотором появилось лицо Паоло. Когда Паоло сдвинул маску на лоб и бросил ключи в лодку, я расслабилась и допила вино из стакана.

– Спасибо, спасибо, – повторяли они, перекрывая друг друга.

Паоло помахал им рукой, а потом посмотрел на меня, как бы спрашивая: «Ну, и что я тебе говорил?»

Как только он вернулся в нашу лодку, я подняла его камеру и уперлась локтями в ребра, чтобы руки не дрожали. Паоло вытер воду, стекавшую по лицу, смахнул непослушные пряди волос со лба.

– Я собираюсь тебя сфотографировать, – сказала я ему. – Ты выглядишь как настоящий триумфатор.

Паоло поднял руки и поклонился, словно принимая поклонение толпы, а затем сделал большой глоток из бутылки с водой. Его глаза закрылись от удовлетворения в лучах заходящего солнца.

Я закрыла один глаз и со щелчком запечатлела его образ.

Час спустя солнце уже почти село. Высоко над нашими головами парили две птицы, будто черные бумеранги.

Я налила еще вина.

Позже Паоло взял удочку и проверил крючок большим пальцем: мне показалось, что у него сейчас пойдет кровь. Он вытащил из ведра рыбу-наживку и насадил на крючок. Я не могла не смотреть в пустые глаза рыбы, когда он это делал, и, чтобы преодолеть какой-то первобытный ужас перед всем этим, мне нужно было посмеяться.

– Итак, вся идея заключается в том, что мы протыкаем крючками этих несчастных рыбок и надеемся, что большая рыба их съест?

Смех Паоло звучал как музыка.

– Ну, когда ты это говоришь, звучит не очень хорошо, особенно для маленькой рыбки. – Паоло отпустил леску и повернулся спиной к темнеющему небу. – На самом деле это звучит плохо для любой из участвующих сторон: маленькой рыбешки, большой рыбины и для нас. Но да, в этом вся идея. Эти большие рыбы собираются съесть что-нибудь на ужин, и, если бы у нас не было холодильника, мы бы тоже искали, что поесть. И вообще, это намного веселее, чем ты говоришь.

Этой логике следовали и мои дяди, когда говорили о рыбалке или охоте, сидя за деревянным столом в нашем семейном домике.

Я щелкнула переключателем в своем сознании, который позволял мне наблюдать за тем, что я делаю, со стороны. В этом состоянии мне казалось, что все действия совершаются какой-то машиной. Этот переключатель позволил мне играть половину сезона в предпоследнем классе школы с разорванной ротаторной манжетой.

– Хорошо, – согласилась я. – Давай!

Паоло игриво поднял брови. Он ухмыльнулся моей бравате и взял один из шестов.

– Хорошо, мисс Рыбачка. Я полагаю, ты хочешь, чтобы я насадил эту рыбешку для тебя.

– Нет, – вдруг ответила я. Это слово вырвалось у меня импульсивно. – Я хочу сама.

Паоло убрал ладони и отступил назад. Я попыталась вспомнить, когда в последний раз добровольно делала что-то столь же отвратительное, но не смогла. Я который раз подумала, что я тот еще экземпляр, и была рада, что в тот момент Паоло, казалось, был в состоянии смириться с этим обстоятельством.

– Просто проткни ее прямо посередине. Насквозь.

Моя тень упала на поверхность воды в ведре, и, хотя я знала, что это глупость, я понимала – сейчас я собираюсь отнять жизнь. Рыбки-приманки тысячу серебряных стрел метались в разные стороны в ведерке, но, когда я опустила руку, они, словно единая стая, кинулись от нее врассыпную.

– Нужна помощь?

Я покачала головой, сжала руку вокруг одной рыбки, но она выскользнула. Затем я обхватила другую обеими руками и вытащила ее из воды. Она в ужасе извивалась в моей ладони. Паоло, казалось, понял, о чем я думаю.

– Это не больно, – заверил он меня. – И не нервничай.

Паоло расположил крючок между моими большим и указательным пальцами. Леска поблескивала на солнце, как паутина на рассвете. Крошечный рот рыбы непрерывно и судорожно открывался и закрывался: возможно, она пыталась укусить меня. Затем Паоло положил руку мне на плечо, начал что-то говорить, но я, как во сне, бросила рыбу в озеро. Она удари-

лась о небольшую волну, послышался всплеск. И рыба исчезла, благодарно помахав серебристым хвостом.

– Ты передумала? – спросил, прищурившись, Паоло. Это его явно забавляло.

Поимка и убийство рыбы внезапно показались мне чудовищными, но я не хотела говорить об этом, не желала придавать таким вещам слишком большое значение. Паоло сжал мое плечо, затем убрал руку и мягко рассмеялся.

– Самый счастливый день в моей жизни.

В ту ночь море было спокойным. На ужин мы поели мягкого французского хлеба с острым сыром, который я купила этим утром, допили вино и открыли еще одну бутылку. Я надеялась на полную луну, но небо затянули облака. Свет в каюте отражался от воды в нескольких футах от лодки, но дальше начиналась темнота. Я облокотилась спиной на ноги Паоло, и он обнял меня, шепча на ухо что-то нежное.

Помню, я заметила тогда, что, когда я засмеялась, звук растворился в темноте, как и свет из каюты. Никакого отзвука, никакого эха. Он просто исчез.

Память – интересная вещь. Она прискорбно неточна. Люди думают, что прекрасно улавливают все моменты, но это не так. Изображения исчезают и меняются со временем. Когда человек что-то вспоминает, он вспоминает последний раз, когда он это вспоминал, – копию копии. Тогда следующий раз – копия этого момента. С каждым разом копия становится все дальше от оригинала.

Я больше ничего не помню об этой ночи. Все спрашивали меня о ней, конечно, так или иначе. Моя мама пыталась пробудить мою память конкретными вопросами, извлечь из нее какую-то бесценную деталь. Как будто я не передумала обо всем этом уже сто раз. Как будто я сама не задавала тех же вопросов.

Как будто небольшая подсказка могла заставить меня вспомнить.

Искать было нечего.

Глава 3

Я сразу поняла – меня сейчас вырвет.

Когда лодка качнулась, я ударилась головой о деревянную обшивку. Было уже жарко, моя грудь и спина покрылись испариной. Майка, в которой я спала, прилипла к спине.

Я позвала Паоло.

Ответа не было.

Дверь каюты захлопнулась и медленно распахнулась вновь. Простыни спутались у меня в ногах.

Я села.

Мне было не очень хорошо.

Я приподнялась на локтях, но горизонт опять накренился, поэтому я снова упала на спину.

– Кажется, у меня похмелье, – объявила я в сторону крошечной двери и стала искать бутылку, из которой мы пили. После того как мы допили шардоне, Паоло открыл что-то красное, большое и яркое: он знал, что покупать. Оно было из Аргентины, наконец-то вспомнила я. Вообще-то я была рада, что Паоло захватил эту бутылку, ведь если бы дело было за мной, то мы пили бы как студенты: ром и кока-колу, пиво, текилу. Я вспомнила, как подумала: хорошо, что Паоло отвечает за алкоголь и что мы будем пить вино. И я рассчитывала, что проснусь в относительно хорошем состоянии. Только вышло все по-другому. Я чувствовала себя совершенно разбитой.

Я ущипнула себя за переносицу и закрыла глаза. Меня могло стошнить в любой момент, я судорожно пыталась найти какую-то емкость, и в итоге отыскала пыльную мусорную корзину. Я наполнила ее наполовину, струйка слюны потянулась из моего рта к пластику. Не то чтобы я не выпивала. Чаще, чем мне хотелось бы, я переступала черту между легким приятным опьянением и совершенно неадекватным состоянием. Но прошли годы с тех пор, как я просыпалась с настоящим *похмельем*.

От качки было еще хуже. Больше я это вино пить не собиралась – ни ночью, ни вообще когда-либо.

– Милый! Ты в порядке?

Я подумала, не накрыло ли его тоже.

Дверь захлопнулась, затем снова очень медленно отворилась. Я представила себе Паоло с камерой на шее. Глаза прикованы к разноцветным рыбешкам. Я представила его сильные руки и как он прищуривает левый глаз.

– Милый, спустись вниз.

Я хотела почувствовать прохладные руки Паоло на своей спине, его губы на своей шее. Тогда мне станет лучше.

Лодка поднялась на гребень волны, затем нырнула вниз. Я потянулась за бутылкой вина, стоящей на прикроватном столике, и оценила, сколько осталось. Это была вторая бутылка, которую мы открыли, и она все еще была на треть полна. Другую руку я прислонила к животу, будто пытаюсь удержать содержимое.

– Если ты сейчас же не спустишься, я тебя поцелую, не чистя зубы. Клянусь, я так и сделаю.

Я заставила себя встать и открыла маленький кран. Теплая вода потекла в мои сложенные лодочкой ладони. Я прополоскала рот и плеснула себе воду на лицо и шею, потом вытерлась подолом рубашки, как будто снова оказалась на футбольном поле, где больше у меня ничего не было. Когда я закрыла кран, воцарилась тишина. Я оперлась на мокрую столешницу.

Дверь беспечно открывалась и закрывалась, как бы покачиваясь на волнах. Я поймала ее, закрыла на защелку и стала подниматься по лестнице, прикрыв глаза. Я знала, что найду Паоло. Он улыбнется, покачает головой и скажет: «Думал, ты умеешь пить».

– Что ты *делаешь*? – На последнем слове я поднялась на палубу, и мой голос сорвался. Я была одна.

Мое сердце бешено заколотилось. Я сделала глубокий вдох, борясь с паникой, поднимающейся к горлу, сразу за подступающей тошнотой.

На горизонте было лишь солнце. Оглядевшись, я поняла, что мы уже не там, где он бросал якорь. Каким-то образом ночью мы сошли с якоря и стали дрейфовать. Пристань выглядела так, словно я смотрела на нее в перевернутый бинокль.

– Паоло! – закричала я. Даже эхо мне не ответило.

Я посмотрела на воду, затем резко отвела взгляд. Мог ли он пойти купаться? Пытался доплыть до берега? И если даже так, то зачем ему надо это делать?

Он упал в воду? Вода казалась коварной, непрозрачной – она давила, давила. Плеск волн походил на жестокий смех. Я, насколько это было возможно, справилась со страхом и прислонилась к парапету, прижавшись грудью к бледным серым следам ботинок Паоло. Единственный лист, испещренный осенними оранжевыми прожилками, зацепился за корпус. Когда лодка качнулась вниз, холодная вода окатила мои вытянутые пальцы.

Я встала прямо и начала ходить туда-сюда по крошечному пространству: два шага, разворот и снова два шага – пока не заставила себя остановиться. Мои руки дрожали, и я сцепила их вместе. Внутри меня паника заслонила собой тошноту – она распространялась из самого сердца. Это был страх потерянного ребенка, страх от осознания всей чудовищности того, что значит пропасть без вести – больше никогда не найти любимого человека или путь домой. Остаться среди незнакомцев навсегда.

Я представила себе ужас человека, которому не хватает воздуха. Паоло, который тянется за рукой помощи в темноте... Сколько уже прошло времени?

Из моего горла вырвался судорожный всхлип.

– Нет, пожалуйста, нет, – отчаянно молилась я, убеждая себя, что все будет хорошо, что Паоло умеет плавать: я видела, как он это делает, день назад. Тем не менее понимать, что он умеет плавать, – это не то же самое, что знать, где он находится. Это не означало, что Паоло в безопасности.

Я упала на колени, и меня снова вырвало, на этот раз за борт. Я смотрела, как кусочки моего ужина расползаются и растворяются, и чувствовала вкус липкого вина. Слезы текли по моим щекам. Мы были единственными, кто провел ночь на воде? Куда делась та семья, у которой пропали ключи? Я откинула волосы назад и позволила солнцу согреть мое лицо, затем выкрикнула имя любимого мужчины ветру, который поглотил мой голос. Я полезла в сумочку за телефоном, хотя знала, что у меня не будет сигнала. Я бросила ее. Потом забила кулаками по двери каюты, словно ребенок, впавший в истерику.

Спросить, что делать, было не у кого. Ощущение было похоже на неопределенность во время полуденного отключения электроэнергии, но гораздо сильнее, чем когда лампы, компьютеры и приборы просто отключаются. Часть меня смирилась с внезапной необходимостью придумывать новый план, нравится мне это или нет. Но в то же время я почувствовала дикий ужас.

Ужас слишком сильный, чтобы смотреть ему в глаза.

Вернувшись в каюту, я порылась в вещах Паоло. Я искала, сама не зная что, в карманах его чистых шорт, а затем бросила их на мокрый пол, словно грязное белье. Ничего не было. Конечно, ничего не было. Я вытряхнула содержимое сумки Паоло, подняла все с пола и снова осмотрела. Под серебристым рулем был радиоприемник. Мне показалось смешным

даже пытаться по нему разговаривать – это напоминало школьный спектакль. Я включила его, повернула диск и сказала что-то в трубку.

Тишина, потом какой-то скрип, потом снова тишина.

Я успокаивала себя. Я разберусь. Я позвоню куда-нибудь – на берег, кому-нибудь за стойкой, и они пришлют лодку мне на помощь. Они заберут меня обратно, отбуксируют лодку, а потом я свяжусь с Паоло. Так я говорила себе.

Затем я любовно сверну Паоло шею за то, что он заставил меня пережить.

Радио затрещало, когда я повернула диск. На секунду я услышала голос, нажала несколько кнопок, одновременно что-то выкрикивая, будто ребенок, осваивающий новую игрушку. Заиграла музыка – хиты 70-х, что-то вроде Dancing queen АВВА. Я снова нажала на кнопку, повернула ручку и закричала. В какой-то момент я услышала мужской голос, но он обращался не ко мне. Я попала на его разговор с кем-то еще. Он что-то бормотал. Я заорала, но он тихим, спокойным голосом продолжал рассказывать о своих выходных, о добыче. Это было все равно что искать внеземную жизнь среди звезд.

Горизонт в иллюминаторе переместился. Одни оттенки синего переходили в другие, создавая невероятные сочетания. Вернувшись наверх, я попыталась определить расстояние до берега. Часть меня чувствовала, что уйти – значит бросить Паоло. Другая часть понимала, что мне самой нужна помощь.

От воды отражался солнечный свет, который был уже не полуденным, но, казалось, лился со всех сторон. Я прищурилась. Меня тошнило от одного этого сияния, меня тошнило не переставая. Я провела пальцами по парусу, скользкому от утренней росы. Я посмотрела на рычаги, на блестящие заклепки, прикоснулась к тугим, грубым канатам. Понадобится вечность, чтобы я со всем этим справилась.

Я посмотрела на замок зажигания. Все правильно. Оранжевая штуковина-поплавок. Я вставила ключ в замок и повернула его. Маленький мотор ожил. Я возблагодарила Бога.

Это я еще могу сделать.

Я подняла якорь, поставила его рядом с собой, и по белой поверхности растеклась лужа ила серо-зеленого цвета.

Я еще сотню раз выкрикнула имя Паоло, пока болталась на воде, а маленькие волны кусали борт лодки, как пираньи. В конце концов я свернула к пристани, управляя лодкой, как машиной.

Я вытирала слезы и спрашивала себя, бросил ли Паоло меня, или я его. *Это я ловлю ртом воздух над водами этого озера.*

В конце концов я причалила прямо к месту, которое мы покинули после полудня. Все птицы исчезли. Лодка тяжело ударилась о причал, и когда звук скребущего по дереву стекловолоконного корпуса достиг офиса, прибежал подросток в палубных ботинках, размахивающий руками. Он спрыгнул на землю и посмотрел через плечо на окно офиса.

– Гм... Это так не делается...

Лодку могло бы снести, если бы парень не упал на живот и не ухватился за борт. Стиснув зубы, он перекатился и встал на ноги. Полосы известняка красовались на его голубой футболке. Подросток начал было говорить о том, как правильно завязывать канаты, но я перебила его:

– Мне нужно найти своего молодого человека. Его не было со мной, когда я проснулась.

Я облокотилась на причал, и дерево полоснуло меня по животу, когда я поднималась на ноги.

Вены на шее мальчика вздулись, когда он наматывал веревку на предплечье.

– Я должен зафиксировать лодку. Вы не можете просто...

Я посмотрела на пристань, на тропинку между соснами. И даже тогда часть меня верила, что Паоло все еще может появиться с двумя чашками кофе и озорной улыбкой и что я полдня буду на него злиться, а потом снова начну наслаждаться чудесным отпуском. Что когда-

нибудь это будет казаться просто забавной историей. Мальчик продолжал тщательно закреплять лодку, скорее бормоча себе под нос, чем обращаясь ко мне:

– В противном случае лодка может серьезно пострадать. Эта обшивка...

Внезапно я проговорила совершенно не своим голосом:

– Мне плевать на судно.

Подросток остановился, поднял голову и замер.

– Это экстренная ситуация. Вчера я уплыла отсюда со своим парнем, а сегодня утром его не было на борту. Я не знаю, где он может быть. Я не знаю, где он.

Мальчик поднял вверх ладонь и завязал булинь вокруг сваи. В его серых глазах отражался свет от водной ряби.

– Он умеет плавать?

– Да.

– Так, может, он в заплыве?

Словно я об этом не подумала.

– Возможно. Я надеюсь.

Я собирала вещи.

– Вы его видели? Черные волосы. Примерно такого роста. – Я подняла руку на шесть дюймов над головой.

Глаза мальчика следили за мной, вся беззаботность летних деньков исчезла из них. Он покачал головой.

– А люди вообще так делают?.. Я имею в виду, это случалось и раньше?

– Леди, мой босс только что убежал. Он вернется минут через двадцать.

Я точно не собиралась торчать там еще двадцать минут.

– Здесь есть мобильная связь?

– Э... Зависит от оператора.

– У тебя есть?

– Иногда, – ответил парень. Я взглянула на его телефон, выглядывавший из кармана. Прежде чем он успел сделать шаг назад или отказать мне, я вытащила его и вызвала 911.

Затем я отдала подростку его телефон и вернулась в лодку, чтобы в последний раз оглядеться, будто остановка могла пролить свет на что-то, чего я раньше не заметила. Звук быстрых шагов мальчика эхом отзывался от сухого причала. Я открыла шкафчик, где Паоло хранил футляр с камерой. Стук моего сердца отдавался в ушах, и я сунула футляр в сумку, замотав ее в свою до сих пор сложенную одежду, и поставила сумку на причал, снова выбираясь из лодки. Я знала, Паоло любит эту камеру, и я хотела, чтобы хоть эта его часть была со мной. Кроме того, я знала, что не вынесу, если с ней будут неаккуратно обращаться или если камера случайно упадет в воду.

Десять минут спустя шины полицейской машины с хрустом заехали на известняковый гравий. Офицер был огромным мужчиной с бледным, округлым лицом, по которому невозможно было определить его возраст. У него была короткая стрижка, а рубашка поло придавала ему весьма странный неформальный вид. Полицейский напоминал актера, которого наняли в последнюю минуту, в то время как настоящая полиция занималась более насущными проблемами. Я ожидала, что мужчина откроет блокнот, как это делают полицейские в старых фильмах, но его пальцы застыли над крошечным ноутбуком.

Чем сильнее человек торопится, тем медлительнее ему кажутся движения всех остальных. Этот полицейский не был исключением. Он представился, но я не запомнила его имени. Я уже была на сто шагов впереди. Я попыталась объяснить, что к чему, но не смогла. Высокий коп печатал очень медленно. Он смотрел на меня как на сумасшедшую.

Я поискала глазами подростка, привязавшего лодку. Мне нужна была поддержка – как будто для подтверждения правдивости моей истории, мне нужен был свидетель моей неподдельной паники. Но мальчик отступил за стойку и ссутулился – он явно не хотел впутываться.

Я дала описание внешности Паоло, вплоть до деталей его одежды: футболка среднего размера, серые туфли.

– Итак, расскажите мне с самого начала, что случилось вчера.

Его тень на выбеленных солнцем досках была такой же длины, как моя.

Я старалась говорить спокойно. Я рассказала ему, как мы приехали, сели в лодку.

– А вы не ругались? – спросил мужчина. – Были ли у вас вчера какие-либо споры?

– Нет.

– Обычное начало отпуска, – добавил коп.

Я кивнула.

Мне ужасно хотелось подсмотреть, что такое он там печатает.

– Потом мы взяли лодку. После полудня. Паоло знает воду и разбирается в лодках. Он все делал сам, а я не обращала внимания. Он хотел провести на ней ночь.

– Она была арендована на этой пристани? – показал пальцем полицейский.

– Да, все правильно, – подтвердила я и рассказала ему о рыбалке, о семье, которую мы встретили. Коп встрепенулся, как ретривер.

– А вы запомнили их имена?

– Нет.

Я сосредоточилась, пытаюсь воскресить в памяти их образы.

– Может, эти люди остановились где-то поблизости? Вдруг он вернулся с ними?

– Нет, мы их не знаем. – Я лишь покачала головой. – Они ушли еще до заката.

– Что ж. – Полицейский захлопнул ноутбук и направился в офис на пристани.

Я посмотрела на воду и уже перестала верить в реальность происходящего. Все выглядело как какая-то постановка – специально срежиссированная, чтобы вселить в меня ужас.

Я еще раз проверила телефон. Мне нужен был знакомый голос: мамы или Марти – моего первого начальника, который был мне как отец. Только вот что я могла им сказать? Я не имела представления.

Вскоре появились люди. Начались рукопожатия, зазвучали тихие голоса.

Благодаря исследованиям, которые я проводила во время написания своей квалификационной работы, я кое-что знала о работе полиции и приблизительно могла понять, что происходит. Но не до конца. Я поняла, кто есть кто, какие могут возникнуть вопросы. Что они искали. Не то чтобы я считала себя умнее их. Просто я хотела помочь, хотя мне сложно было даже просто успокоиться.

Через минуту появились еще два офицера полиции – один в форме, другой – нет. Они хотели осмотреть лодку. Я кивнула и посмотрела на то, как она раскачивалась, когда один, а потом и другой ступили на борт. Через минуту они уже держали одежду Паоло деревянным штырем.

Потом вернулся и высокий коп.

– Мы попытаемся отыскать семью, о которой вы упомянули. Может, они что-то видели.

Затем мое ухо уловило слово «утонул».

– Он не мог утонуть, – настаивала я.

Полицейские подняли глаза вверх, а один отвел взгляд.

– Ладно, – сказал коп.

– Я серьезно. Он с детства рыбачил. Он умеет плавать. Я наблюдала, когда он нырял за связкой ключей.

Я бредила. Мне было уже все равно.

Рябь воды отражалась от солнечных очков полицейского, который не мог смотреть на меня. Его шея медленно, механически поворачивалась, словно в кукольном мультике.

Я достигла предела, когда уже не могла отвечать на их вопросы. Их было слишком много, я бы просто сломалась. Высокий коп, казалось, почувствовал, что приближается моя точка кипения. Он поджал губы и прищурился, как будто разгадывал загадку. Мужчина покрутил красную палочку в пластиковом стаканчике, нахмурился. Остальные стояли у перил и тихо разговаривали. Один из них поднял к глазам бинокль, в котором отражались отблески восхода. Потом он уронил бинокль, и тот закачался взад-вперед на его круглом животе. Я тоже взглянула туда, но на горизонте был лишь туман. Видимость нулевая.

На лодке кто-то поднял мой рецептурный пузырек.

– Мистер Феррера принимает какие-нибудь лекарства?

– Нет, это мой пузырек.

– Лекарство от...

– Панических атак. Я не умею плавать.

Это признание застряло у меня в горле. Я сделала уверенное лицо, но в голосе явно звучали пораженческие нотки. Он кивнул, как будто я произнесла волшебные слова.

– Он мог принять эти таблетки?

– Ни при каких обстоятельствах.

Едва сделав паузу, полицейский повторил тот же вопрос, но уже с несколько иной формулировкой:

– Мистер Феррера принимает жизненно важные лекарства?

Конечно, он должен был произнести нечто в этом роде.

– Я хочу, чтобы вы перестали называть его *мистером Феррерой*. Я приняла одну штуку, когда мы отчаливали. Мой молодой человек выпил несколько бокалов вина, вот и все. Все не так, как вы думаете.

– Вы помните, сколько конкретно таблеток оставалось в пузырьке вчера вечером?

– Десять-пятнадцать? Я не так часто их принимаю.

– Однако мне этот пузырек кажется пустым.

Я знала, он не хотел грубить, но мне показалось, что этот коп дал мне пощечину.

Мы оба увидели, как полицейский на лодке качает головой.

– Вы вообще ссорились?

– Нет! – закричала я. Этот крик вылетел из моих легких, как маленькая птичка. Я взяла себя в руки, потерла ладони о плечи, словно пытаюсь согреться. – Послушайте, я знаю, вы просто делаете свою работу, но нет, мы отлично провели вечер. Мы поужинали, а потом легли спать.

Если в глазах офицера и было сочувствие, то его скрывали темные очки.

– Ваш молодой человек когда-нибудь делал что-то подобное раньше?

– Нет, – решительно ответила я.

– Не возражаете, если мы осмотрим транспортное средство? – спросил полицейский.

Эта просьба привела меня в ярость, но мне ничего не оставалось, как согласиться. Я смотрела, как уходят другие лодки. Люди занимались своими обычными делами. Кто-то расстилал одеяла, готовясь насладиться озером. Я наблюдала за ними. Краем глаза они тоже следили за мной.

Я хотела получить объяснение того, что произошло.

Потом появилась женщина-коп с налеченной челкой. На шее у нее было ожерелье с дельфином, которое она засунула за воротник рубашки поло, когда поймала мой взгляд. Казалось, она считала, что я должна плакать. Но должна ли? Помогло бы это? Будут ли они работать быстрее, если я зареву?

Ее присутствие вызвало у меня желание позвонить Элли. Моя давняя подруга работала специалистом по связям с общественностью в Нэшвилльской полиции. В моей университетской футбольной команде Элли была стипендиатом, хотя в стипендии она не нуждалась. Это могло бы вызвать зависть у других игроков, но Элли была настолько неизменно любезна, так всех поддерживала, что на нее невозможно было злиться. Имя Элли для меня было синонимом слова «помощь». Обычно я звонила ей, когда имела дело с полицией.

Женщина-полицейский хотела знать, были ли между мной и Паоло какие-то неподобающие контакты прошлой ночью.

Я даже не знала, что на это ответить.

Я снова описала Паоло. Подробно рассказала детали поездки: когда мы приехали, что мы планировали. Та манера, в которой копы говорили о моем молодом человеке, делала его менее реальным. Кем-то, кого я словно бы выдумала, моим воображаемым парнем. Когда женщина перечитала мое описание, оно показалось мне искаженным. Она меня страшно бесила, но я сама не знала почему.

Начал гудеть кондиционер. Я поискала его глазами, чувствуя, как мне хочется вернуться домой, оказаться в чистоте и безопасности. Казалось, прошло не меньше недели с тех пор, как мы с Паоло покинули мою квартиру – наш личный, скрытый ото всех мир. Всего этого не должно было произойти, сказала я себе. Мы не должны были покинуть это защищенное, теплое место.

В конце концов женщина-коп села рядом со мной на скамейку у входа в офис. Пахло кокосовым маслом. Утренняя дымка рассеялась, и сосновые ветви лениво, картинно шевелились на ветру. Я была благодарна хотя бы за то, что наконец-то оказалась подальше от воды. Ожерелье из дельфинов появилось снова, и она заправила свои светлые волосы за уши.

– И что теперь? – спросила я.

– Мы сформировали команду по этому делу, – сказала женщина-полицейский. Эта ее фраза прозвучала как реплика из фильма, и это показалось мне хорошим знаком, которого я так ждала. – Вызвано подразделение морской пехоты, которое проведет поиски вдоль береговой линии. У нас есть авиационная поддержка, которая скоро прибудет. Капитан начнет поиски с помощью К-9 уже после полудня.

– Хорошо, – сказала я. Я еще раз попробовала отпить кофе из своей чашки, но оказалось, что он все равно еще слишком горячий.

– Сейчас вам лучше всего пойти домой и немного отдохнуть.

– Уйти? – спросила я обескураженно. Я ни на секунду не хотела уходить. – Я хотела бы остаться здесь, – сказала я.

Женщина-коп снова заговорила с терпеливостью завуча начальной школы. Это одновременно и успокаивало меня, и приводило в бешенство:

– Лучше пусть поисковая команда спокойно поработает.

Она заверила меня, что в случае чего они *немедленно* свяжутся со мной и что у нее всегда с собой телефон.

– Я поеду домой на его джипе? – удивленно спросила я сама себя, хлопнув руками по бедрам. Я как будто бы и злилась, но уже с равнодушием человека, впавшего в транс. Я представила себя за рулем. Это казалось совершенно немыслимым, но что еще оставалось делать?

Она покачала головой:

– Они захотят поговорить с вами снова.

Когда я начала протестовать, обладательница ожерелья с дельфинами впервые посмотрела на меня строго, как будто давая мне понять, что для нее очевидно, как плохо я сейчас соображаю.

Может, так и было.

Да и как я могла хорошо соображать?

– Люди приходят и уходят из нашей жизни, – сказала женщина, – и этому нет объяснения. Сложно, я знаю.

Я понимала, что она считает, что Паоло бросил меня, что я просто пока не понимаю, что она старается проявить доброту. Я попыталась глубоко вдохнуть, но кислород застрял на полпути. Она собиралась лишить меня надежды нежно.

– Смотрите-ка... – Она взглянула вверх и в сторону, считая облака, как будто они были фактами ее жизни. – Пять лет назад? Да. Пять. Во Флориде. Там дом. Семья, двое детей. – Женщина понизила голос, чтобы подчеркнуть, что в таких обстоятельствах ставки выше. Серьезнее, чем в моем случае. И вдруг она щелкнула пальцами. – Отец исчез. Вот так. Мы осмотрели все вокруг, предположили, что он утонул, предположили, что его убили. Или похитили, хотя такого больше не случается. Кто знает? У него была травма, и что-то могло пойти не так. Никто ничего не знал. Прошло два года, и он объявился. Его просто остановили на дороге, вот так. Живет в пятидесяти милях отсюда, временно лишен водительских прав за вождение в нетрезвом виде. Он снова женился, начал все сначала. Называет себя другим именем. Никаких травм, вообще ничего. Я была рядом, когда жена пришла увидеться с ним. Он не мог объяснить, почему сделал это. Он просто должен был жить совсем по-другому, вот что он сказал.

Она на мгновение накрыла мою руку своей, потом отняла ее. Я кивнула, изображая понимание.

– Он не просто бросил меня, – сказала я. – Я уверена в этом.

Казалось, она изо всех сил пыталась не вздохнуть, но все-таки вздохнула.

Глава 4

Моя мама приехала, чтобы отвезти меня домой. Она была немного меньше меня ростом и более практично одета, а в остальном очень похожа на меня. Я не уверена, что когда-либо в жизни была так счастлива кого-то видеть. Когда я услышала ее голос, увидела, как мама бежит ко мне через парковку, я разрыдалась. Под очками библиотекаря, за которые я ее дразнила, так же стояли слезы. Я крепко обняла маму, и она обняла меня в ответ.

На пристани женщина с дельфиньим ожерельем объяснила, что я уже могу уезжать, что они свяжутся со мной и, скорее всего, снова переговорят, уже в Нэшвилле.

– Мы будем держать вас в курсе, – сказала она, взглянув на маму, которая в ответ сжала губы.

В тот момент мне показалось, что я должна спросить, что именно женщина-полицейский имеет в виду, но усталость победила, и я просто спросила:

– Что я могу сделать? – Хотя знала ответ.

Ответ был – ждать.

Ничего не делать.

Страдать от бессилия.

Коп взяла обе мои ладони в свои и дала мне карточку со своим именем и контактной информацией.

Мама проводила меня до машины. Мы тронулись.

Когда она появилась на пристани, было похоже, что она все понимает. Ее доброта скрывала за собой понимание, что я слишком устала и подавлена, чтобы со мной разговаривать. Что я не в силах убедить ее сейчас в том, что на мне не лежит проклятье.

Когда мне было чуть за двадцать, мама спасла меня от самой себя. Футбол, мои товарищи по команде и мама.

С ее зарплатой в средней школе и при отсутствии отца, с которым мы никогда не общались, мы не смогли бы позволить себе обучение в Вандербильте, если бы не футбол. Обучение по стипендии в престижной школе обернулось для меня каждодневной пыткой: мои опасения, что я чужая в этой среде, подтверждались. Мысль о том, что я когда-нибудь куда-нибудь впишусь, казалась обычной фантазией. Часть меня просто *знала*, что я, по сути, белая шваль, самозванка в рядах привилегированного класса.

Не то чтобы со мной плохо обращались. Вовсе нет. То, с чем я столкнулась, находилось внутри меня. Мне сто раз говорили, что колледж будет лучшим временем в моей жизни. Это удручало.

Затем началась мания.

Я сразу это поняла.

Я представляла себе бабушку, которая входит в рябь воды.

То, что было в ней, было и во мне.

Я сошла с ума? Возможно.

Мама сидела рядом со мной в машине и смотрела вперед. Я скрестила руки на груди. От кондиционера по коже пробежал холодок.

Я была совершенно опустошена.

– Ты ела? – спросила мама через некоторое время. По телефону полиция сказала ей достаточно, чтобы мама не засыпала меня вопросами, и я была ей благодарна. Я все равно не была уверена, что смогу говорить.

– Не думаю, что это возможно, – промямлила я.

Мама довезла меня до дома, подождала, пока я приму душ. Я приняла еще две таблетки ативана и забралась в постель. Мне было все равно, как это выглядело со стороны. Человек

иногда не может принять реальность во всей полноте, и мне нужно было на некоторое время спрятаться от всего мира. Не самый здоровый способ справляться со стрессом, понимаю, но так это работало.

Я старалась поддерживать свою самооценку на должном уровне, чтобы чувствовать почву под ногами, чувствовать стабильность. *Меня зовут Эмили Файерстоун. Я детский психолог. У меня есть друзья, коллеги. Мое биполярное расстройство контролируется мной годами. Меня зовут Эмили Файерстоун. Я не сойду с ума.*

На следующий день было воскресенье. Я позвонила на работу и сказала, что не смогу прийти. Я помолчала, прежде чем оставить сообщение. Сказать, что я заболела? Это было не совсем так. Я точно не была в отпуске. Было ли исчезновение молодого человека уважительной причиной?

Мне было невыносимо даже про себя произносить слово «мертв», но ничего, кроме этого слова, у меня в голове не было. Паоло был предан своей лаборатории, было почти невозможно представить его вне этого заведения, где он перерабатывал данные в бесконечном стремлении разработать вакцину H1-N24. Но невозможность представить, что его нет рядом, было следствием нежелания в это верить. Отрицание в чистом виде.

Я позвонила Элли. Я не могла поверить, что она ответила. Сейчас люди обычно не поднимают трубку. Звонок – это попытка навязать себя другому человеку. Теперь все просто набирают текст. Кроме того, она недавно вышла замуж. Я была уверена, на уме у Элли совсем другое. Когда она сняла трубку, я сразу представила ее густые темные волосы, обрамляющие зеленые глаза. Элли была одновременно и лучшей, и худшей подругой по одной и той же причине: она всегда была собранна. В колледже она помнила обо всем, что может понадобиться команде в поездке, и можно было не сомневаться, что Элли захватит с собой дополнительный солнцезащитный крем или ленту, которые забыли даже тренеры. Как товарищ по команде, она всегда приходила вовремя или даже раньше.

Слова вылетали из ее рта быстро, как колибри, но ее голос был сладким, как нектар, и эта манера почему-то ассоциировалась у меня с богатством.

Позже я пожалела об этом, но тогда я рассказала ей все. Она, как всегда, внимательно выслушала.

– Ну, я, конечно, не полицейский, но работаю в участке, так что буду держать ухо востро, хорошо?

Через час после нашего разговора Элли перезвонила.

Она проговорила извиняющимся голосом:

– Ты сказала, они могут задать несколько вопросов? Так и будет. Тебе позвонит детектив по имени Андре Мейсон. Эмили, мне так жаль. Это будет быстро, я уверена. Они могут прийти к тебе, если ты хочешь...

– Нет, нет, – настаивала я. Я ни о чем не думала. Я была не в своем уме и неистово мерила кухню шагами с бесцельным упорством. – Я давно не была у тебя в офисе.

Насколько давно? Я вспомнила, что Элли была со мной в ту ночь, когда я встретила Паоло, а потом мы расстались в баре.

– Напиши мне, когда будешь на парковке, – попросила девушка. Она была полна ускоренного сочувствия. – Я выйду и войду с тобой.

Ее предложение меня удивило, но я согласилась. Думаю, Элли поняла, какой дискомфорт вызывает поход в полицейский участок практически у каждого человека. Интересно, подумала ли она о том, что произошло на крыше здания парковки тринадцать лет назад? Меня отвезли в больницу на заднем сиденье полицейской машины. Я на секунду ощутила холод наручников на горячей коже, но потом выбросила это воспоминание из головы.

– Отлично, – поспешно приняла я предложение подруги. – Спасибо, Элли.

– Отлично, – повторила она за мной с явным облегчением.

Детектив Мейсон позвонил почти сразу после того, как я повесила трубку. Его голос звучал как бас-гитара. Мы решили, что я приеду на следующее утро.

Все внутри меня хотело, чтобы это поскорее закончилось. На озере полиция предупредила меня, что такое может произойти, но я не представляла, как буду чувствовать себя в этот момент. Казалось, это было что-то среднее между «*ничто не имеет значения*» и «*отвалите от меня*». Люди обычно не ходят в полицию, потому что им нравится жизнь, напомнила я себе. Инстинктивно я взглянула на крошечный шрам на запястье, которое крепко сковали наручники той ночью, на стоянке. Затем я взмахнула рукой так, что часы закрыли этот шрам.

Поскольку я всегда хотела иметь красный кабриолет, то купила тот, который не могла позволить себе год назад. Я медленно, совершенно для себя не характерно, ехала в полицейский участок и время от времени поглядывала на часы на приборной доске. Носок моего ботинка слегка надавил на газ, и двигатель загудел, когда я проскользнула мимо фургона, идущего на предельной скорости. Только за этот год меня трижды останавливали – достаточно, чтобы я задумалась о том, насколько разумным было мое приобретение.

Оно таковым не было, но я ненавидела признаваться себе в этом. Я все еще была несколько импульсивной.

Я отыскала место для парковки, написала Элли и направилась к входной двери. Я была в участке только один раз, но сейчас он выглядел точно так же. Те же вымытые бетонные ступени, пахнущие отбеливателем и сигаретами, та же надпись «Полиция» шрифтом «гельветика» на двери, как будто чтобы для всех стало окончательно понятно назначение этого места. Та же странная энергетика вокруг здания. Я представила себе темное облако, нависшее над домом семейки Адамс. Атмосфера была именно такой. Коридор был словно исцарапан с обеих сторон гигантскими ногтями. «Какое-то гигантское чудовище вроде Халка сотворило это», – подумала я. Флуоресцентный свет из вестибюля лился через двойные стеклянные двери. Мои ноги налились свинцом, голова все еще кружилась. Они позвонят насчет Паоло? Нашли ли они его? Его тело? *Боже*.

Нет, я не могла думать. Это была часть проблемы.

Прошел почти год с тех пор, как я последний раз видела Элли. Сейчас она стояла у входа в свободном желтом свитере, сложив руки на талии, и была похожа на цветок, растущий между трещинами разбитого тротуара. Ее глаза за очками в тонкой проволочной оправе были полны сочувствия, которое могло бы ранить меня, если бы я полностью не потеряла чувствительность от перевозбуждения и неврологического «одеяла» снотворного. После всего, что случилось, немного жалости мне не повредит.

Элли быстро обняла меня и повела к дверям, положив руку мне на спину. Я догадывалась, что выгляжу изможденной, но когда поймала свое отражение в стекле двери, то поразились – я больше всего напоминала зомби. Немытые волосы зачесаны назад, глаза ввалились. Мое лицо сохраняло летний загар, но в то же время выглядело очень бледным, как будто выцвело. Я подумала, не начать ли мне краситься. Может быть, я начну это делать, когда соберусь с мыслями.

– С тобой никого нет? – спросила она.

– Нет.

Я заволновалась, непонятно почему.

Должно быть, я выглядела озадаченной, потому что моя подруга быстро добавила:

– Беспокоиться не о чем. Он не задержит тебя надолго.

На английском языке эта фраза – «беспокоиться не о чем» – звучала сколь неопределенно, столь и пугающе.

Стулья в кабинете Элли были завалены стопками бумаг. Сесть было некуда. Подруга взглянула на часы, стоявшие в переполненном книжном шкафу. Зазвенел телефон, но Элли проигнорировала звонок.

– Мне неприятно думать, что тебе приходится терпеть это после всего произошедшего.

Темные брови Элли нахмурились. Я знала это выражение ее лица. Оно возникало, когда мы безнадежно отставали в игре и возможности победить не оставалось. Она еще всегда упирала руки в бока, но теперь, в своем кабинете, встала у стола и раскрыла объятия. Чтобы не упасть, я прислонилась к стене.

За дверью кабинета Элли какой-то мужчина в запачканной футболке, смятой на его огромной мускулистой спине, сопротивлялся тому, что его уводили. Руки мужчины уперлись в дверной косяк двери Элли, а потом начали цепляться за гипсокартон.

Я подумала, что сотрудник Министерства внутренней безопасности был слишком груб. Мы обе были так далеко от зеленого, ухоженного, похожего на непроницаемый пузырь студенческого городка Вандербильта.

– Обычное утро в офисе?

– Извиняюсь. Давай я принесу тебе кофе, – предложила Элли.

Я не возражала, и, прежде чем успела что-то сказать, в моих руках оказалась маленькая чашка.

– Осторожно, очень горячий.

Я старалась не поморщиться, когда напиток обжег мои губы.

– Все это не займет много времени, – заверила Элли, глядя через мое плечо в коридор.

Мне нужно было все для себя прояснить.

– Я что-то *упускаю*? Почему это *может* занять много времени?

Она слегка наклонила голову. Выражение лица у нее смягчилось.

– Просто не займет. – Затем она вернулась к той же фразе. – В общем, беспокоиться не о чем.

Я знала, Элли пытается проявить доброту.

У меня скрутило желудок.

– Что ж, хорошо, – сказала я специально не слишком сухо, потому что и без ее подсказки понимала, что попала в *большую* беду, чем думала еще минуту назад.

Мне вспомнились слова Паоло: «Ты думаешь, что можешь все». Он был прав. Заметка для себя: уверенность не позволяет мне думать. Не позволяет готовиться к неожиданностям.

Элли сжала мое предплечье:

– *Как ты?*

Я сочувствовала ей, понимая, как ей неловко. Конечно, в моем офисе было много случаев, когда я собирала все свои силы, чтобы хоть что-то сказать. В общем-то, я считаю, всегда приятно знать, что кто-то хочет тебя утешить. Думаю, это лучше, чем отыскивать идеальные слова.

Я не успела ответить. В дверях мелькнула тень, потом раздались три быстрых удара костяшками о дверь. Элли подняла голову.

– Привет, Андре.

– Привет, – по-деловому, коротко. Он посмотрел на меня, но не сразу. Глаза Андре на секунду задержались на Элли, а ее – на нем.

Я поняла, что они знают друг друга не только как коллеги. Напряжение в комнате чувствовалось такое же, как в воздухе перед грозой. Но то, что когда-то горело между ними, погасло, закончившись, вероятно, когда отношения Элли с мужем стали серьезными – два, два с половиной года назад. Сейчас они обсуждали текущий момент. Она решительно уперла руки в бока.

Смуглая кожа, высокий рост, фигура бывшего атлета. Выбритая часть на левой стороне головы. Из-под воротника торчит татуировка в виде розы – какой-то неизгладимый отпечаток прошлой жизни. Прямо над розой был крошечный кусочек ткани с темно-бордовой точкой по центру.

Видимо, он спешил.

Андре не носил кольца. Он перевела взгляд с Элли на меня, и тут я обратила внимание, что от мужчины пахнет каким-то ужасным одеколоном.

– Эмили Файерстоун? – спросил он.

– Это я, – подтвердила я.

– Я детектив Мейсон.

Он кивнул Элли и указал на коридор.

– Сюда, пожалуйста.

Когда я проходила через дверь, Элли похлопала меня по плечу. Я попыталась не обращать внимания на беспокойство в ее глазах и на то, как она отвела взгляд.

Глава 5

Морщинки вокруг глаз Мейсона указывали на то, что ему около сорока. Он носил огромные часы триатлониста, которые предпочитали наши тренеры, – мини-компьютеры, в основном предназначенные для записи и организации одновременно нескольких массивов данных. У Андре была странная манера улыбаться, как будто слишком поспешно, что сразу вызвало у меня подозрения. Он указал на комнату слева по коридору, закрыл дверь, когда мы вошли, и внезапно стало тихо. Слышалось только гудение лампы над головой. Мужчина показал на стул. Я вытащила его, села и сцепила руки на столе, который выглядел как из школьной столовой. В комнате пахло чернилами, хотя ксерокса здесь не было. Или, может, это была пыль?

У меня кружилась голова от лекарств, но кофе, который мне дала Элли, помог. Я допила остатки.

– Мисс Файерстоун, – Мейсон взглянул на листок бумаги, который держал в руках. – Простите, *доктор* Файерстоун. Спасибо, что пришли.

Андре, как мне показалось, хотел побыстрее оказаться в этой комнате, но теперь просто наблюдал за мной. Он говорил медленно, как ведущий на детском телевидении. Наверное, понимал, что спешка нервнрует людей.

Мейсон взял мою чашку и налил свежего кофе, хотя я его об этом не просила.

– Хотите сахара?

– Нет, спасибо.

«Давайте скорее покончим с этим», – подумала я.

– Как идут поиски?

Он достал из кармана прямоугольный видеоманитофон размером с колоду карт и поставил его на столик между нами. Мейсон взглянул на маленький экран, который я не могла разглядеть. Мейсон нажал верхнюю кнопку, и появился красный огонек. Затем он развернул страницу в блокноте и шелкнул серебряной ручкой.

– Местная полиция уже два дня ведет поиски с помощью водолазов.

Это был его голос для записи. Я поняла, что Андре не будет возражать, если именно этот голос кто-то потом услышит. До этого момента Мейсон, казалось, стремился выглядеть уверенным в себе молодым специалистом. Включив камеру, он превратился в безличное существо, которое я никак не могла прочесть.

– До сих пор единственное, что они нашли, кроме нескольких ржавых банок и рыболовных снастей, – это штопор.

«Похожий на тот, что Паоло сунул в карман», – быстро подумала я.

– Вы говорите так, будто искать *ничего*. Они не собираются прекращать поиски?

Вопрос прозвучал более резко, чем я предполагала.

Мейсон нахмурился.

– Да нет, не собираются, но они ведь не могут искать вечно. Там что-то около двухсот сорока миль общей береговой линии. Они используют свои ресурсы по максимуму. Я так понимаю, топография озера заставляет течения вести себя странно – ведь в основном это затопленная долина. В целом поток воды движется к плотине реки Элк, но есть и скрытые обратные течения.

Я поняла, что он имел в виду. На карте озеро выглядело как колючие стебли алоэ.

– Обломки или, например, одежда могут уплыть в сотне направлений, – серьезно сказал Мейсон. Впервые мне показалось, что в его голосе прозвучало осуждение. Андре пристально смотрел мне в глаза, словно оценивая мою реакцию. Я могла только представить, как я смотрелась на камере: как будто я лежала в постели без сна последние два дня, как будто совсем

не ела и как будто мне следовало вымыть голову. Я коснулась конского хвоста, разгладила его по бокам, попыталась сесть немного прямее.

– Что с его джипом? Он все еще на пристани?

– Друг мистера Ферреры приехал и отогнал его обратно в город. Сейчас он в его квартире. Вот так сюрприз.

– Его друг?

Мейсон заколебался. Он распялял мою паранойю. Я представила, как его мозг фильтрует информацию, которой он не может поделиться со мной.

– Конечно. Мы связались с друзьями и родственниками мистера Ферреры для получения нужной информации, с его боссом, доктор Сильвером. Колвин, друг мистера Ферреры, сам вызвался отвезти машину в Нэшвилл.

Кол. Вероятно, он был лучшим другом Паоло за пределами лаборатории. Он сверхсерьезно относился к софтболю, что всегда казалось мне глупым, и был предельно мужественен – говорил всегда только односложными предложениями. Я много вечеров провела с его дочерью, Оливией, которая любила лазить по трибунам и по мне во время игр. Мое общение с Колом обычно состояло в том, что он бросал в нашу сторону напряженные взгляды, как будто я могла просто взять ее за руку и убежать.

Однажды я спросила Паоло, в чем проблема Кола. «Он просто молчит», – ответил тот.

– Кол поехал к нему домой? – спросила я Мейсона, стараясь, чтобы это прозвучало с меньшим недовольством, чем было на самом деле.

Я заметила, что Мейсон даже не притронулся к кофе. Он медленно жевал жвачку. Иногда красный кончик его языка – кстати, того же цвета, что и татуировка в виде розы, – высовывался между его губ, как змеиный язык.

– Вы раньше бывали в участке? – Андре спросил это словно из любопытства.

– Давно, но была. Последний раз я была здесь, чтобы встретиться со своим пациентом.

– О, точно.

Он перевернул страницу блокнота и ухмыльнулся.

– Вы из Департамента по делам детей, – тихим голосом произнес Мейсон и снова посмотрел в блокнот.

Стул скрипнул.

– Я хочу спросить о ваших отношениях с Паоло Феррерой, а потом о прошлой субботней ночи и воскресном утре. Вы сможете говорить о таких вещах?

– Конечно.

Андре не поднимал глаз, но его ноздри раздувались, словно сыщик пытался учуять на мне какой-то особый запах.

Как психолог-надзиратель, Марти научил меня говорить не больше, чем нужно, если я буду давать показания под присягой. Я знала, в данном случае это будет нелегко. Детектив Мейсон хотел узнать побольше о Паоло, и я, вопреки здравому смыслу, надеялась, что, рассказав ему все, смогу повысить шансы найти своего молодого человека.

Мейсон подался вперед. Он взглянул на устройство, откашлялся и недовольно переложил жвачку с одной десны на другую.

– Тамошняя полиция сказала, что вы не думаете, будто мистер Феррера утонул.

– Нет, не думаю.

Андре Мейсон закашлялся.

– Куда же он тогда делся?

Отблески света, казалось, стали ярче, но это от бессонницы.

– Вы здесь, чтобы это узнать, верно? Если бы у меня были ответы, я бы сама нашла Паоло. Мейсон вновь подался вперед.

– Давайте вернемся к нашей основной теме. Два дня назад вы с мистером Феррерой отправились на пристань Тима Форка. Вы можете рассказать мне все, что помните?

– Все... Все, что я помню?

Я слышала будто со стороны, как снова описываю поездку – наш смех, музыку, ком в животе от того, что я не умею плавать. И внезапно поняла, почему пациенты с посттравматическим синдромом не любят снова и снова перебирать детали.

– Позвольте мне вас прервать, – вдруг сказал Мейсон и оторвал ручку от блокнота. – Вы говорите, что не умеете плавать. Вообще? – Его рука рассекала воздух, как будто что-то разрезая, а металл ручки поймал флуоресцентный свет.

– Верно, – говоря это, я опустила глаза и удивилась своему смущению.

– Но вы хотели отправиться в плавание?

Я посмотрела на Андре Мейсона. Он явно не понимал кое-чего важного.

– Мы – влюбленные. – Я объясняла это ему, словно ребенку в своем офисе. – Я доверяла Паоло.

Мейсон стиснул зубы, и ручка вернулась к блокноту.

– Извините. Продолжим.

Я рассказала ему о планах Паоло порыбачить, о семье на другой лодке, о том, как Паоло нырнул за их ключами. Андре спросил, видела ли я раньше эту семью, поинтересовался маркой их лодки.

Я все это уже проходила. Мое выражение лица, должно быть, ответило на половину его вопросов.

– Хм, ладно. – В его голосе звучало недоверие, но я не видела, во что тут можно было не поверить. – Есть моменты ночи, которые вы не помните?

– Наверное.

– Вы помните, как ложились спать? Мистер Феррера был с вами, когда вы ложились спать?

Мне стало жутко от того, в чем собиралась признаться.

– Этого... я не знаю.

Короткий кивок.

– Как часто вы забываете, что произошло накануне?

Что-то в этом вопросе заставило мое сердце забиться быстрее, как на резком повороте или как на экзамене, к которому не готовился. Всплыли все тревожные кошмары, связанные с неподготовленностью, с беспомощностью. Мои руки были скользкими от пота. В глубине моих глаз горел багровый гнев.

Почему же я не могу вспомнить? Мейсон задал разумный вопрос, но я чувствовала, что ко мне относятся чудовищно несправедливо. Я знала, сколь ненадежными могут быть воспоминания, как они искажаются и разбиваются на отдельные фрагменты и как все эти искажения могут перерасти в серьезные неточности. Тем не менее я доверяла своей памяти – стальной клетке, одинаково надежной на высших точках мании и в глубинах депрессии. Да и алкоголь никогда не мог лишить меня ни одного воспоминания – даже если позже я жалела об этом.

Ночь на борту парусника была другой. Я вспомнила вкус вина и дрожь в ногах от мягкого покачивания лодки. Я вспомнила, как опустилась тьма, а потом – ничего, словно мой разум был компьютером, который кто-то взломал, чтобы удалить один конкретный файл.

– Нечасто, – наконец ответила я.

– Вы выпивали?

«Снова за свое», – подумала я.

– Только немного вина. стакан или два.

Не настолько много, чтобы стереть воспоминания или остановить их формирование. Я представила, как напряглись мускулы на руках Паоло, когда он откупоривал бутылку, а потом

небрежно опустил штопор в карман. Он должен был исчезнуть, когда я уже вырубилась. Все внутри меня сжалось от этой мысли. Вернее, от того кошмара, о котором я едва могла позволить себе думать.

Мои руки вспотели, и я почувствовала, как дрожит моя челюсть. Я уставилась на столешницу, и неожиданно мне захотелось удариться об нее лбом.

Детектив Мейсон в который раз слегка прищурился.

– Вы упомянули в разговоре с полицией на месте преступления, что у вас вроде как заходила речь о вашем предыдущем парне?

– О.

Мои брови взлетели. Я выпила вторую чашку кофе и поставила ее на стол.

– Да, но это была просто глупость. Ничего особенного. Никак не настоящая ссора.

– Мистер Феррера был расстроен после этого вашего разговора?

Я не могла удержаться, чтобы не закатить глаза.

– Если только на какую-то долю секунды. Это не так уж и важно, по правде говоря.

– Быть может, расстроились вы? – Глаза Мейсона сузились еще больше.

Кончиком пальца я нащупала шрам от наручника на левом запястье. Слез еще не было. Они все еще были глубоко, под страшным гнетом всей этой вынужденной концентрации.

– Вы можете сделать из мухи слона и назвать это аргументом. Понимаете, о чем я? Вы можете спрашивать меня снова и снова – все останется по-прежнему.

Один росчерк. Снова кивок.

– Вы принимаете лекарства по рецепту? Те, что вы принесли на борт.

Я была готова к этому вопросу.

– Я принимаю их, да. Паоло никогда не принял бы мои лекарства. Мы не использовали их для развлечения. Он почти не пьет. Я имею в виду, он работает как... – Я запнулась. – Он много работал. Он не был таким вот любителем алкоголя и развлечений.

– Лекарство вы принимаете из-за биполярного расстройства. Верно?

– Все так. Это антидепрессант. Мне поставили диагноз «Биполярное расстройство II».

– Два? Вы можете это объяснить?

Что именно нужно было объяснять?!

– Это значит, я никогда не впадаю в маниакальное состояние. Нет дней без сна, нет галлюцинаций. Просто депрессия, а иногда то, что они называют гипоманией. То есть я могу завестись.

– Имеете в виду – выйти из-под контроля?

Я покачала головой.

– Нет. Я достаточно сказала.

– Значит, потом вы просто заснули? – спросил мужчина, изображая некоторое замешательство. – Завелись, но заснули нормально? Вы привыкли быть на воде?

– У меня не было гипомании в ту ночь. Я не была в таком состоянии уже несколько месяцев.

Андре Мейсон перевернул страницу и стал расспрашивать меня о пробуждении и возвращении на пристань. Когда мы закончили, я все еще чувствовала запах его ужасного одеколона.

– Вы знаете, как связаться со мной. Мы дадим вам знать, если появится что-то еще.

Мужчина пожал мне руку на выходе – его рукопожатие было холодным и крепким. Хватка человека, который хотел быть чем-то большим, чем в действительности являлся.

Я прошла мимо кабинета Элли к светло-серым прямоугольникам входной двери. Она окликнула меня, но я продолжила идти, не замедляя шага. Снаружи солнце уже полностью вошло, и ленивый свет пробивался сквозь облака, обжигая все вокруг.

– Что все это значит? – спросила я, даже не потрудившись замедлить шаг. Не знаю, почему я так удивилась. Часть меня знала, что я не должна была так реагировать на это.

Психика не особо различает прошлое, настоящее, будущее. Я снова училась в предпоследнем классе. Элли была первокурсницей. Я не обращала внимания, что у нас обеих в волосах появились седые пряди. Я чувствовала себя вратарем, оставшимся без защиты. Я потеряла руки, мое тело было полно кофеина. В этот момент гнев был на вкус как сухие сливки. Я шурилась от яркого света, оглядывая парковку в поисках блестящего красного капота моей машины. Но как бы быстро я ни уехала, убежать я не могла.

Я продолжала говорить с подружкой через плечо.

– Он допрашивал меня как подозреваемую! Как я могла не знать, что нахожусь под *подозрением*? – Я повернулась, и Элли оказалась передо мной. – И как, черт возьми, кто-то может так считать?

Она часто дышала, глаза ее были влажными. Элли держала очки в руках. Я продолжала возмущаться, но вдруг меня пронзило чувство стыда, а потом все исчезло, как тлеющий уголек. Не знаю, чего я от нее ожидала – чтобы она вмешалась? Была моим адвокатом?

– Давай поговорим в моем кабинете, ладно? Пожалуйста.

Краем глаза я видела свою машину. Я отвернулась от Элли, но мой голос немного смягчился.

– Давай поговорим здесь.

Я знала, что злюсь не на нее.

Мы сели в мою машину и закрыли двери. Я включила двигатель, и поток воздуха от кондиционера обдал наши лица.

Элли посмотрела мимо меня на дорожку, по которой ко входу двигался человек в синей униформе. Она закатала рукава желтого свитера.

– Я не могу сидеть здесь долго. Прости, что тебя вот так застали врасплох. И, правда, я пыталась... Если это что-то значит... Я не думаю, что они будут идти по этому следу.

«Идти по этому следу», – подумала я. То есть не будут идти по моему следу. Что ж, это хорошо. Я напредила себе, что Элли не совсем полицейский и что копы не были мне врагами. Они несли ответственность за то, что делали, и выполняли свою работу. Допрос меня не был каким-то личным оскорблением.

Когда защитно-агрессивная часть мозга активизируется, требуется некоторое время, чтобы снова начать ясно мыслить. Я глубоко вздохнула и провела руками по волосам, будто пыталась удержать голову от взрыва.

– Эмили.

– Им нечего здесь искать. Пусть ищут Паоло.

– Я знаю. Просто они должны... – на этих словах Элли заерзала, как будто сиденье было горячим.

Я подняла руки в знак капитуляции и медленно заговорила:

– Я знаю, ты в ужасном положении.

Элли была явно благодарна за то, что я признаю это.

– Он просто старательный. Он будет двигаться дальше. – Подруга коснулась моей руки. – Я уверена.

Но у меня было другое мнение на этот счет.

Глава 6

В течение следующих нескольких дней я еще четыре раза говорила с обладательницей дельфиньего ожерелья. Когда я разговаривала с ней по телефону в своей квартире, ее голос звучал так, будто принадлежал кому-то другому – другой женщине, не соответствовавшей ее компактному, загорелому телу, или не носившей украшений с дельфинами, или жившей в южном штате. Достаточно ли трудится полиция? Я не знала. Меня занимало только то, достаточно ли она трудится, чтобы найти Паоло.

– Мы работаем над идентификацией других пузырьков с лекарствами, – сказала женщина-полицейский.

– Нет, нет, там было только мое лекарство, – возразила я.

Она затихла на секунду, после чего объяснила:

– Мы уже проверили. Было два пустых пузырька. Они находились в центральной консоли джипа, их мы и пытаемся идентифицировать. Ранее вы сказали, что не знали о том, что мистер Феррера принимал лекарства по рецепту врача.

– Я совершенно уверена, – сказала я женщине излишне твердо, потому что сама внезапно засомневалась.

– Возможно, что-то для лечения синдрома дефицита внимания?

Женщина назвала лекарство от СДВГ.

– Ничего подобного, – сказала я, отчаянно желая, чтобы это было правдой. Это была неправда. Не совсем правда. Я вспомнила кое-что, о чем Паоло как-то проговорился. Как давно? Месяцы назад. Он упомянул о желтой таблетке, а потом сказал, что это все его лаборантка. Стажер. Они оба приняли по половинке, когда работали допоздна, и это напомнило ему предэкзаменационную гонку с зубрежкой километров текста, когда Паоло был студентом. Он поспешил закрыть эту тему, и я быстро забыла об этой желтой таблетке, потому что он закружил меня в танце. Мы медленно танцевали на моей кухне. Паоло рассказал, сколько они уже сделали вместе, насколько важна их работа. Я отпустила мысли об этом гулять туда, куда уходят мимолетные мысли, – до этого самого момента. А теперь это воспоминание вернулось, как песня, которую я больше никогда не хотела слышать, потому что однажды она застряла у меня в голове. Оно пробудило в моей душе жутко неприятную, какую-то детскую смесь из чувства вины и искреннего недоумения.

После того как мы закончили разговор, я повесила трубку и уставилась в окно. Он злоупотреблял медикаментами и скрывал это?

Во время следующего звонка офицер объяснила, что право Паоло на частную жизнь, по мнению департамента, истекло. Они разговаривали с его друзьями, коллегами. Когда она рассказала мне о том, что общалась с семьей Паоло в Аргентине, я почувствовала некое иррациональное смущение, как будто я потеряла Паоло – их брата, их сына, – как браслет, который одолжила.

Женщина-коп объяснила, что полиция не рассматривает это дело как убийство, потому что нет достаточных доказательств. Они проверили банковские счета Паоло и мои.

– Все соответствовало тому, что вы нам рассказали, – добавила она, хотя в южном говоре женщины, словно крошечные колючки, застряли осуждающие нотки.

Я закрыла глаза.

– Мы ввели его имя в национальную базу данных пропавших без вести, – сказала мне женщина-полицейский, – на случай, если Паоло Феррера где-нибудь появится.

Я зацепилась за ее слова. Мне очень не хотелось сознавать, что эта фраза пробудила во мне нездоровый оптимизм. В некоторые ночи я особенно ярко и отчетливо представляла себе, как он объявляется где-нибудь – Орегон, Феникс – с похмелья, с ужасной историей и

страшными угрызениями совести. Эти фантазии были единственным, что поддерживало меня. Я засыпала на несколько минут, а когда просыпалась, реальность настойчиво стучалась в мою дверь.

Какой был день недели, казалось уже неважным. Мама присела на край моей кровати и прижала кончики пальцев к подбородку, словно молясь, чтобы я приняла неизбежное и пришла в себя.

– Какие у тебя планы на завтра? – спросила она.

– Мне нужно съездить на озеро, – ответила я. – Хочу осмотреть некоторые его части с северной стороны.

Мама вздохнула. Она убрала руку с моих волос и положила ее себе на колени.

– Это... Это был несчастный случай. Ужасный, ужасный несчастный случай. Ты мучаешь себя. Нелегко потерять того, кого любишь.

– Мам, я...

Я не знала, как подобнее ответить на это.

Ее голос был мягким и осторожным.

– Ты не думала о том, что можешь сейчас находиться в стадии отрицания?

Мне хотелось крикнуть, что я ни хрена не отрицаю, но как я могла? Ответить этому единому хору и особенно маме, которая, что самое ужасное, кажется, действительно понимала, через что я прохожу. Опровергнуть ее точку зрения на то, что произошло, значило отвергнуть ее предложение – разделить с ней ее горе, вступить в специфический клуб, который она основала, когда умер мой отец.

Я не могла так поступить.

Я взяла ее руки в свои.

– Я так хочу, чтобы ты мне поверила.

Я никогда не забуду выражение лица моей мамы – смирение, разочарование, желание сдаться. Она разгладила джинсы и подошла к двери. Остановилась и перед уходом молча посмотрела на меня через плечо.

Полиция, Элли, даже мама, казалось, смирились с мыслью, что Паоло умер. Они расследовали смерть, а я – исчезновение. Я знала, что выгляжу сумасшедшей, но если их работа может помочь мне, решила я, пусть будет так.

Когда зазвонил телефон, я сразу вскочила, чтобы ответить. Детектив Мейсон спросил, могу ли я сейчас говорить и сижу ли... Я стояла.

– У меня есть новости. Наши люди нашли парусиновый ботинок десятого размера, серый, который носил, по вашим описаниям, мистер Феррера, в водяной решетке на плотине. Они говорят, ботинок пробыл в воде всего несколько дней.

Я ждала, не зная, что делать с этой новой информацией.

– Такого рода улики... подтверждают наши предположения. Подобные улики находят, когда кто-то неожиданно падает. Простите, я подумал, вы должны об этом знать.

– Значит, вы сосредоточитесь именно на этой территории? Что вы говорите?

В наступившей паузе я услышала слабый вздох.

– Эмили, они исследуют озеро как могут. Как я уже говорил... мусор может оказаться где угодно вдоль берега из-за наличия течений, но у них нет ресурсов для дневных и ночных поисковых групп.

– Чушь собачья, – гневно произнесла я, глядя на шкаф, где стояли мои туфли. – Я сама туда пойду.

Мама повернулась ко мне.

– Я попрошу вас не делать этого, – спокойно сказал Мейсон. Когда я начала его перебивать, он продолжил: – Куда как вероятнее, что вы уничтожите что-нибудь полезное вместо того, чтобы найти то, что они упустили.

До озера было больше часа езды. Снаружи уже начали сгущаться сумерки. Я представила, как продираюсь сквозь кусты, а конус моего фонарика подпрыгивает над ветвями. Мое сердце упало, когда я поблагодарила Андре и закончила разговор.

Одно можно сказать о работе психотерапевта: вас всегда будут преследовать отрывки воспоминаний о том, что пациенты пытались сказать вам, о том, как они пытались объяснить свою боль. Они будут возвращаться к вам. Вы поймете то, что до этого не осознавали. В этот момент внутри словно распаивается новое пространство, и даже если оно не может быть заполнено, оно может содержать понимание чужих страданий, хотя бы и в ретроспективе.

Наконец я позвонила Марти. Я сидела на своем крошечном крыльце, потягивая остывший горький кофе, и, как обычно бывает поздним летним утром, стрекотали сверчки. Он внимательно слушал. Марти, можно сказать, и научил меня слушать. Я могла представить его раздраженное лицо. Даже сейчас я казалась вялой, измученной. Я приказала себе не рассказывать мою историю хотя бы еще какое-то время.

– Господи, – сказал он.

– Да. Я не знаю, что делать.

– Что же ты можешь сделать? Ты работаешь? В каком ты сейчас состоянии?

– Я была в офисе, но отменила большинство встреч. На самом деле у меня осталось не так уж много отпускного времени. У меня зубы мудрости выдирали в феврале.

– А, ладно. Что ж, я здесь.

Я знала – он не шутит.

– Спасибо, Марти.

Некоторые люди дают тебе больше, чем ты можешь дать взамен.

Я вышла из-под льющегося на меня душа, обхватив себя руками за грудь. Вокруг меня начал клубиться пар. Я представила себе, что это такое – упасть на три фута или около того. Вода на носу и губах дала мне почувствовать весь ужас от того, что могло бы произойти, упади я за борт, – плеск озерной воды, нахлынувшая беспомощность. Но случилось *ли* это? Даже если бы Паоло каким-то образом выпил больше, чем я помнила, и упал бы в воду, оказавшись там, он явно бы проснулся. Конечно, какая-то мышечная память у человека, плавающего всю жизнь, включилась бы, а инстинкт выживания мог бы подтолкнуть его вверх. И, конечно, я бы что-нибудь услышала – всплеск, борьбу.

Однако я ничего не слышала. Ничего не помнила. Только спокойный сон без сновидений.

Какая-то бессмыслица. И только абстрагировавшись от ярости, которая проистекала из полного неведения, я могла себе представить, какой, с точки зрения детектива Мейсона, Эмили Файерстоун могла казаться подозрительной.

Исчез Паоло, но каким-то образом в привидение превратилась я. «Я позволила этому случиться», – иногда думала я. Однажды ночью мне приснилось, что в мире закончился воздух. Все, кто остался в живых, хватали ртом пустоту, а потом свет погас.

И затем я проснулась.

Ужасный укол мстительного гнева скрутил меня изнутри. Озеро, огромная сосущая тьма поглотила Паоло. Я не просто так его боялась, а никто меня не слушал.

Подняться по лестнице было настоящим подвигом. Принять душ было большим достижением. О макияже не могло быть и речи, как, впрочем, и о работе – я отпросилась еще на неделю, так ни разу не появившись.

До моей любви к Паоло существовала другая жизнь, но мне было странно вновь открыть ее для себя. Реликвии, предметы, пережившие Паоло, заставляли меня чувствовать себя какой-то наивной. В холодильнике я нашла продукты, купленные несколько месяцев назад, причем половина упаковок была с вегетарианскими бургерами. Две упаковки были все еще заморо-

жены. Я держала в руках холодный картон и пыталась вспомнить, о чем я думала, когда покупала их в супермаркете. Я надеялась, что мы перейдем на более здоровое питание.

Возвращаться к этим мыслям было невыносимо. Отсутствие любимого человека делало жизнь похожей на дом без пола. По ночам сухой ветер хлестал в окна, сотрясая их так, как будто кто-то хотел войти. Если бы кто-то это сделал, я поняла, что у меня не было бы сил бороться с ним.

Я могла заснуть только в коконе, который сплетался вокруг меня благодаря таблеткам. Я знала, что некоторые из них я принимать не должна, но все равно их принимала. Мои сны были похожи на галлюцинации – какие-то волны, разверзающиеся, как гигантская челюсть, или вдруг я терялась в музее, будучи и ребенком, и женщиной одновременно. Мне снилось, что Солнце превратилось в Луну, а потом взошло так высоко и засветило так ярко, что пошел дождь ртутного цвета, который озарял все вокруг.

В четверг утром я спустилась вниз. Строгий, ровный голос диктора местных новостей заполнял собой кухню. Мамины глаза были прикованы к экрану, ее рука рассеянно помешивала ложкой кофе.

Я стерла последние остатки сна из уголков глаз.

– Что такое? – спросила я.

Она молча смотрела новости, прищурившись, будто сомневаясь.

– Мам?

– Извини. Это ужасно, – последнее слово мама прошептала. – *Ты* в порядке?

Мама повернулась, коснулась моей руки, но я уже смотрела через ее плечо.

– Что случилось? – спросила я.

Мама заколебалась. Родительский инстинкт подсказывал ей не торопиться с объяснениями.

– Кого-то убили. На Гейнер Ридж, – произнесла она, оглянувшись на экран и положила руку на горло.

Она подняла руки со столешницы, оставив на ней нечеткие отпечатки ладоней, и сжала их вместе.

– Конечно, убийство в любом месте – это ужасно, но на Гейнер Ридж?

– Знаю, – сказала я, сама не веря своим ушам. Это было непопулярное место – ни живописных пейзажей, чтобы привлечь туристов, ни воды, чтобы заманить рыбаков. Просто сельская, неразвитая часть штата. Это название можно было увидеть только на топографических картах, висящих в магазинах без банкоматов неподалеку от этого места, да и там рядом с названием даже не было точки. На мгновение эта новость заполнила мое сознание, затмив печаль и смутнение, которые я все еще испытывала из-за исчезновения Паоло.

Мама озвучила мои мысли:

– Однако, ну и место для убийства.

Она медленно покачала головой.

Я прожила в Нэшвилле почти всю свою жизнь, а там была только однажды, много лет назад. Я два часа петляла по проселочным дорогам, чтобы найти заброшенную тропу.

– Есть серьезные подозрения, – сказал диктор, – что, возможно, это первое убийство, зафиксированное в округе за последние пять лет.

Я почувствовала дрожь.

Неужели весь мир сошел с ума? Я ощутила, как на моем лбу выступил пот: полицейская лента, офицеры в форме, стоящие позади полицейской машины, крутой склон лесистой долины...

Мне стало нехорошо.

– Прости, – сказала я. – Я снова лягу.

Мама последовала за мной наверх, ее темная фигура была словно вырезана в дверном проеме. Ее голова была немного наклонена, она потерла руки, прежде чем сесть на край моей неубранной кровати. Мама быстро оглядела скомканное белье на полу – в комнате стояла полутьма из-за задернутых занавесок. Она коснулась моих волос, заправила их за левое ухо. Я видела, как ее горло задвигалось, когда мама сглотнула. Я знала – она, как никто другой, понимает меня.

Глава 7

Мои мысли снова и снова возвращались к ночи на лодке. Воспоминания были похожи на фильм Запрудера, только обо мне – я могла смотреть и перематывать их снова и снова, перебирая детали. Я сказала себе: «Должно быть, я что-то упустила, какую-то подсказку, которая помогла бы мне все понять, но какую именно?» Я представляла, как он плавно ныряет с лодки, и пыталась понять, как такой опытный пловец мог упасть в воду и потерять контроль над ситуацией.

Я обдумывала вопросы детектива Мейсона, и его скептицизм только укрепил мою уверенность. Нет, ни днем, ни вечером мы не встречали никого, кроме той семьи. И нет, мы не были ни пьяны, ни под кайфом. Мы не ругались – возможно, это была самая невыносимая деталь – до самого момента исчезновения Паоло. Мы *действительно* идеально провели время. Что я упустила? Как такой теплый и чудесный день мог закончиться тем, что Паоло Феррера исчез? Вот что меня поражало. Во мне тлела искра самоосуждения за то, что я ослабила свою бдительность, за то, что я, по всей видимости, слишком расслабилась.

Через неделю после того, как моего молодого человека объявили в розыск, семья Паоло решила устроить небольшую поминальную службу и назначила ее на утро следующего понедельника. В глубине души я рассердилась на них, хотела позвонить и отчитать их за то, что они сдались, за то, что приняли смерть Паоло, но у меня самой не было четкого плана, как все исправить, и я была уверена, что родные Паоло расстроены и растеряны не меньше моего.

Чтобы жить с биполярным расстройством, вы должны неустанно раскладывать все по полочкам. Я сказала себе, что даже если для всех остальных похороны означают точку в конце предложения – завершение, – для меня это будет запятая. В своем уме я не приняла, что Паоло ушел от нас, но и пропускать службу тоже не стоило.

За ночь до этого у меня были короткие промежутки сна. Покой приходил ко мне искромсанным на короткие мгновения, словно конфетти. Утром я сварила кофе и включила музыку. Музыка управляет нашими мыслями. И по какой-то причине мне захотелось вспомнить начало фильма «Большое разочарование» – в частности, сцену похорон, где персонажи впервые предстают перед нами. Они приезжают, чтобы попрощаться с Кевином Костнером. Я прибавила громкость. Песня Heard It Through the Grapevine не дала тишине поглотить меня. Я воображала себе Уильяма Херта, пока отыскивала таблетки и проглатывала последние две. Мои пальцы сжали ковер, когда горечь обожгла горло.

Зазвонил телефон. Мама.

Она была на приеме у врача.

– Дорогая, они еще не закончили. Ты в порядке? Мы можем встретиться на службе?

Я посмотрела на часы. Было уже 9.30, и служба начиналась через час.

– Ты где?

– Первые приемы всегда назначаются вовремя. Они никогда так не опаздывали. Прости, я застряла.

Мысли в моей голове путались. Она встретит меня в церкви. Мы уйдем вместе. Мама хотела знать, все ли в порядке. Я снова посмотрела на часы.

– Не волнуйся, – ответила я. – Все в порядке. Встретимся там.

– Прямо перед началом.

– Прямо перед началом, – эхом отозвалась я.

– Мне очень жаль, – добавила мама уже тише. – Это все еще кажется нереальным.

Такое дело. Я положила трубку и швырнула расческу через всю спальню на кровать, где лежала карта озера. *Нереальным.* Я попыталась сосчитать, сколько раз она встречалась с Паоло,

потому что назначить встречу с врачом на утро его похорон показалось мне жестом... Я не знала, чего именно. Может, безразличия.

Телефон все еще был в моей руке, когда я сбежала вниз по лестнице. Предстоявшие похороны включили во мне что-то вроде сумасшедшего автопилота. Из этого состояния стоило бы выйти, но оно охватило меня, как лихорадка. «Как Брюс Баннер, ставший Халком» – так однажды в моем кабинете описал это один парень, и я тогда улыбнулась, полностью его понимая. Существовала только одна вещь, которую необходимо было сделать, и только одно желание – сделать это. В этот момент становишься наблюдателем – как человек, бегущий во сне. Депрессия была как акула в «Челюстях»: даже если она не видна на поверхности, всегда знаешь, что она есть и хочет тебя поглотить. Иногда внутри у меня вспыхивала тревога, предупреждая, что депрессия приближается: как плавник, кружащий в ленивых волнах.

У меня в морозилке случайно оказалась водка. Кто-то принес ее несколько месяцев назад, чтобы приготовить рождественские напитки. Я вылила напиток на лед, подкрасила апельсиновым соком и, потягивая этот коктейль, включила душ. Когда я сглотнула, стало холодно, во рту приятно зашипило и онемело. Лед гремел и кружился в стакане. Горьковато. Я поняла, почему пациенты иногда режут себя. Ты хочешь, чтобы телесные ощущения соответствовали твоим чувствам.

Зазвонил телефон, номер был незнакомый, и я переключилась на голосовую почту. Люди звонили всю неделю.

– Ш-ш-ш, – сказала я телефону. – Я не могу.

Выйдя из душа, я осушила стакан, вернулась на кухню и повторила ту же самую процедуру: лед, водка, апельсиновый сок.

Потом высушила волосы и попыталась накраситься. Я сделала музыку громче и надела платье. Я бодро напевала, таким образом подавляя чувства. Будущие два часа казались неким сумрачным местом, куда я не хотела идти, но должна была.

Я сказала себе, что знаю, как пить. Я занималась этим с четырнадцати лет. К тому времени, когда дядя сел на край моей кровати, когда я собирала вещи, чтобы ехать в колледж, с желанием поговорить со мной об алкоголе в кампусе, я уже была на стольких вечеринках и придерживала волосы стольких друзей... Возможно, я могла бы кое-чему научить своего дядю.

Я проверила свежесть своего дыхания и решила взять Uber.

Телефон зазвонил снова. Я поменяла настройки, чтобы его отключить.

Ожидая водителя в течение минут десяти, я наблюдала, как темнеют облака. Мой телефон показывал мне, что парень ездит кругами. Мой кабриолет стоял на обочине, как собака, которую хотят выгулять. Похоже, начинался дождь.

Наконец водитель позвонил, совсем потерявшись.

– Нет, в другую сторону, – ответила я.

Я повесила трубку в полной уверенности, что он найдет меня. Плотные облака продолжали наступать. Я могла промокнуть.

Я не хотела появляться промокшей, поэтому просто отменила поездку, крутанула ключи на указательном пальце и направилась к обочине. Казалось, ничего плохого не могло случиться – все несчастья со мной уже случились.

Я развернулась перед своим домом, когда облака расступились. Катастрофа была предотвращена. Я разгладила платье.

До церкви – пять минут езды. Мама и братья Паоло будут там. Я буду сидеть по другую сторону прохода. Я включила радио, чтобы что-нибудь послушать, но ничего не подходило – музыка была либо слишком радостная, либо, наоборот, слишком злобная. Или, что еще хуже, романтическая. Я взяла телефон, чтобы найти какую-нибудь песню, но тут же положила его обратно. «Не глупи, – подумала я. – Сосредоточься. Церковь в пяти минутах езды».

На красном сигнале светофора я опустила зеркало. Мои глаза выглядели чужими – глаза человека, который пользовался косметикой. Я отрыгнула немного водки в кулак. «Хорошо, – подумала я. – Я прекрасно выгляжу». Затем свет переключился. Тротуар выглядел так, будто был освещен изнутри. Я заехала на вершину холма на Вудмонт, и мой телефон снова «загорелся».

– Прекрати, – сказала я. – Перестань мне звонить.

Я протянула руку и перевернула телефон на сиденье. Подняв глаза, я услышала пронзительный сигнал. Но времени не оставалось. Из-за спущенного колеса столкновение не было лобовым – та машина закрутила мою. В итоге получилась задняя посадка в заросшую канаву под дождем.

В воздухе висел дым. Все подушки безопасности были раскрыты. Оказывается, мне было любопытно, как они выглядят, когда срабатывают, – я никогда об этом не думала. Шок. Мой сигнал застрял на одной ноте, которая звучала как низкий вой дикой птицы. Лобовое стекло было в паутине трещин, и сквозь них я видела языки пламени, поднимающиеся от двигателя.

Вылезай. Вылезай из-под подушек безопасности, посмотри сквозь черный дым. Посмотри, что ты наделала.

Мне удалось открыть дверь, но нога не слушалась. Она прогнулась подо мной, явно сложенная, и я упала лицом в грязь, пахнущую бензином. Меня пронзила боль, какую я никогда раньше не чувствовала. Она ничем не напоминала боль спортсмена, боль, которую можно успокоить с помощью льда и с которой потом – как вы прекрасно знаете – справится ваше молодое тело. Эта боль молнией прошла сквозь мою ногу – вывих, разрыв, жуткого вида порез. Боль горела, как огонь, под моей кожей.

Я закричала, мои локти уперлись в землю. Я потянулась к другой машине левой рукой и увидела, что два пальца тянутся в неправильном направлении, как ветви деревьев после шторма. *Я доберусь туда.*

Это шок.

Я уже слышала сирену.

Я не могла заглянуть в заднюю часть машины из-за неудобного угла наклона. Я видела только ленивые серые облака, медленно и размеренно плывущие по небу, и равнодушный дождь. Я задыхалась, мой крик превратился в громкий шепот.

– Вы в порядке? – попыталась произнести я. *Конечно, нет.*

Дверь со стороны водителя распахнулась, и из нее вылетела мать, зовущая своего сына.

От асфальта шел пар, обжигая мне ноги. Посреди дороги я услышала визг тормозов и еще один сигнал. Я выплюнула что-то изо рта. Обломки зубов. Кровь капала с моей нижней губы и растекалась по пятнистому асфальту. Мой взгляд сфокусировался на осколке стекла, который поймал луч солнца, когда сирена превратилась в крик, такой выразительный и громкий, что мне захотелось отвернуться от него.

– Боже мой, – сказал кто-то. – Да я никогда... – произнес еще чей-то голос.

Третий человек стащил меня с дороги.

– У нее может быть переломан позвоночник, – предупредил первый голос. – Не передвигайте ее слишком быстро.

У меня может быть переломан позвоночник. Боже мой, пожалуйста, не дай мне навредить этому ребенку. Никому не дай навредить. Пожалуйста, не дай мне причинить никому боль. Только не боль.

– Она без сознания, – сказал кто-то. – Точно без сознания.

Я помню эти слова.

Глава 8

Еще до того, как я проснулась, я поняла, что нахожусь в больнице – запахи стерильности, инфекции и мочи были безошибочно узнаваемы. Открыв глаза, я увидела поднос в ногах моей кровати, на котором стояли накрытая тарелка и чашка с изогнутой соломинкой.

Я попыталась сесть, но мешала капельница, приклеенная к руке. Я вздрогнула от укола, когда игла вонзилась в кожу. В коридоре полицейский разговаривал с медсестрой. Я не слышала, что именно он говорил, но ее глаза были прищурены. Даже злы. Когда медсестра оглянулась, я закрыла глаза. Я услышала, как щелкнула дверь, и затем раздался голос полицейского:

– Эмили? Мне показалось, вы на секунду проснулись. Вы с нами?

Я знала, почему он здесь – вовсе не для того, чтобы защитить меня. Я могла совершить нечто ужасное. Непростительное.

– Здравствуйте, – сказала я.

Мужчина улыбнулся. Он был блондином лет тридцати.

– Привет. Я офицер Чэпмен. Я из полиции.

– Что же случилось?.. – спросила я. Мой голос сорвался на последнем слове. Я сглотнула и попыталась снова. – Что случилось до того, как я... попала сюда? – Я не смотрела в его глаза, мой взгляд останавливался либо над его головой, либо где-то рядом.

Все, что я помнила, – вспышка. Скорее даже ощущение сильного толчка, а не образ.

Полицейский посмотрел на меня ласково, но пристально.

Потом я вспомнила – моя рука на руле, онемевшее обожженное водкой горло. Огонь. Моя рука сжала край простыни так сильно, что заболели сломанные ногти.

Может, ничего этого и не было. Мне хотелось так думать. Однако это случилось, ведь иначе я бы не лежала в больнице и не разговаривала с полицейским. Опять.

– Вы попали в аварию. Помните это?

– Боже! Кто-то пострадал? Кто-нибудь из них...

Полицейский покачал головой.

– Вы – единственная раненая.

Я с огромным облегчением опустила на подушку. Мысль о том, что я могла причинить кому-то боль, была словно удар под дых. Я сейчас совсем не хотела вести себя безрассудно.

Потом я вспомнила, куда ехала. На похороны Паоло. Я закашлялась, и мне стало больно.

– Я все пропустила? Похороны?

Он скорбно кивнул.

Я откинулась на подушку. В желудке было пусто, но меня затошнило.

– Какой сегодня день?

– Сегодня среда, вечер. Вы проспали последние двадцать четыре часа.

За открытыми жалюзи виднелась бетонная сторона парковки, освещенная послеполуденным солнцем.

– Офицер на месте происшествия заподозрил, что вы употребляли алкоголь, поэтому было необходимо взять кровь на анализ.

– Да, понимаю.

– После аварии вы не смогли подписать ордер на арест, да и сейчас вы не совсем в том состоянии, чтобы получить ордер.

– Что значит получить ордер?

– Оказаться в тюрьме.

Я ощутила головокружение, какое бывает, когда стоишь на краю очень, очень высоко и смотришь на бескрайний каньон. Я подняла руки над одеялом. Два пальца на моей левой руке были сломаны.

– Вы еще немного побудете в больнице.

Полицейский выпрямился и потер шею. Похоже, он готовился, прежде чем сообщить мне настолько плохие новости. Тут он снова улыбнулся.

– Я позову вашу медсестру.

Когда он ушел, я откинула одеяло. Моя левая нога ниже колена была в гипсе.

Сердце словно окаменело. Медсестра вернулась и ничего не сказала. Я тоже практически ничего не говорила. Мне нечего было сказать.

На следующее утро, когда на телефоне высветился номер офиса, я сразу поняла, что сейчас произойдет, – еще до того, как услышала голос босса.

– Здравствуйте, Эмили. – Его голос звучал как на записи. – Я хочу пожелать вам удачи в выздоровлении и в решении всех ваших юридических вопросов. К сожалению, сейчас я должен взять на ваше место другого сотрудника.

Босс слышал об аресте. Конечно, он был в курсе – все прознал. Я сказала ему, что понимаю его. Это было действительно так. Разве у него был выбор? К тому времени моя электронная рабочая почта уже была адски перегружена, и я знала, что люди, которые и так завалены работой, всюду разбираются и с моими делами. Конечно, я не могла держать на него зла, но внутри у меня все оборвалось.

Босс закончил разговор на оптимистичной ноте. Он сказал, что вакансии открываются все время и кто знает, что может случиться через год.

Через год... Боже.

Я закончила разговор и начала бессильно всхлипывать, перевернув телефон экраном вниз. Я снова взглянула в окно, чтобы увидеть клин голубого неба.

Мои дети. Все их истории. Я больше не буду с ними работать. Я закрыла глаза. Я не могла в это поверить. Хотя нет, потеря работы была вполне логичным исходом.

Весь этот вечер мама просидела в кресле в ногах моей кровати. Ее красные очки для чтения балансировали на кончике носа. Мама пришла, чтобы снова увидеть хаос. Чтобы с ним разобраться.

Тихо бормотал телевизор. Она убрала волосы за уши и стала читать журнал. Я притворилась, что смотрю на экран, но на самом деле смотрела на маму. Я впервые задумалась – и это было очень странно, – проживу ли я так же долго, как она. Я знала, что у пациентов с биполярным расстройством продолжительность жизни меньше. Интересно, что я унаследовала от мамы, а что от отца, имя которого я не знала?

И я почти спросила об этом. В этот момент я почувствовала прилив мужества, возможно, из-за своего плачевного состояния – в конце концов, куда уже было хуже? – и открыла рот, чтобы спросить об отце.

Но внезапно, будто она читала статью именно об этом, мама закрыла журнал и предложила мне переехать.

Я не знала, сколько еще вытерпит мой эго. Было понятно, что, с ее точки зрения, она оказывает мне услугу, поэтому я действовала осторожно.

– Я не знаю, мам. Мне тридцать лет. Тебе не кажется, что это будет немного странно выглядеть?

– Так ты сведешь к минимуму свои расходы, – практично заметила мама. Она сделала паузу, поправляя очки на переносице. – Может, тебе придется присмотреть за Энди, если мне нужно будет навестить Кэрл.

Энди – бордер-колли, которого мама взяла к себе в прошлом году. Поскольку до этого у нее не было собак, она не слишком хорошо рассчитала время, необходимое для заботы о животных, а степень ответственности она не рассчитала тем более.

– О господи, – сказала я, в шоке от всего происходящего. Последнее, что мне было сейчас нужно, так это забота об Энди. Я почувствовала укол ревности, но постаралась не замечать его.

Энди действительно нуждался в уходе, но это была не его вина. К тому же я знала – мамино предложение было сделано из самых лучших побуждений, хотя где-то в глубине души я и ощутила разочарование. Подобная договоренность казалась еще одним препятствием между мной и выяснением того, что же случилось с Паоло.

Я вышла из больницы на двух костылях и в пластиковом ботинке до колена, который по весу был как шлакоблок. Будто медсестры, услышав о том, что я вожу в нетрезвом виде, специально сделали его очень тяжелым. На дорожке, ведущей к машине, было очень холодно: больничные кондиционеры работали против осеннего солнца, льющегося в окна. Я брела к парковке, и ботинок громко стучал при каждом шаге. На моей шее выступил теплый пот. Казалось, осень больше никогда не наступит.

Мама проводила меня через гараж, где я вдохнула первую за две недели порцию свежего воздуха. Я балансировала на костылях и прыгала на одной ноге, когда она открывала дверцу своей белой «Тойоты».

– Как твоя нога? – спросила она, наблюдая за моими маневрами.

– Я словно попала в медвежий капкан, который все еще на мне.

Утром следующего дня мама высадила меня у здания суда, куда я пошла оформляться. Я просто не хотела, чтобы она стала свидетельницей столь неприятного для меня события. Наш семейный адвокат объяснил мне, чего ожидать, и процесс пошел так, как он описал: металлоискатель, длинные очереди, зона ожидания, похожая на софтбольтный блиндаж. Затем, когда назвали мое имя, меня быстро сфотографировали, и я, в порядке очереди, приложила пальцы к сканеру с зеленой подсветкой. После я наконец-то вышла и ощутила странную смесь облегчения и брошенности. Костыли, казалось, были единственными, кто меня поддерживал. Мое чувственное «я» сообщало, что я вот-вот впаду в самую глубокую в своей жизни депрессию. В большой мрак. Я огляделась в поисках белой маминой машины.

Наш адвокат позвонил позже.

– С учетом обстоятельств они делают вам конкретное предложение. Вы не оспариваете опасное вождение. Один год испытательного срока, один год с алкотестером для управления вашим автомобилем плюс судебные издержки и штраф. Хорошая сделка, Эмили. Предлагаю соглашаться.

Часть меня внезапно отвратила мысль, что похороны Паоло будут рассматриваться как разменная монета. Но другая рассчитывала на некоторые преимущества, ведь надо было понимать, что происходит.

Было и облегчение – я не попаду в тюрьму.

На следующий день я пошла в Совет по психологии – обсудить мою лицензию.

Зал заседаний, яркий свет, пот, оправдания.

Думаю, из-за того, что полицейские мне сочувствовали, ограничение было легким: год испытательного срока по моей лицензии, при условии, что я смогу найти руководителя, который будет контролировать всю мою работу.

На ум приходил только один человек.

Глава 9

Я смотрела на нижний край занавески в моей спальне, трепещущий под потолочным вентилятором, как крыло ската. Комната была погружена в такой глубокий мрак, что засветившийся экран моего зазвонившего телефона был будто ночник. Я вздохнула, когда увидела, кто звонит. Некоторые люди никогда тебя не бросают. На самом деле они даже становятся ближе, когда жить становится тяжелее. Марти был одним из них.

– Привет, Марти.

– Привет, – начал он, словно это я ему звонила и этот звонок был для него приятным сюрпризом. – Я просто узнать, как ты.

Я приподнялась на локте и потерла глаза.

– Я... не в лучшем виде.

Депрессия – как дно колодца. Вы смотрите на фигуры людей наверху и понимаете, что на поверхности по-прежнему есть мир, в котором вы привыкли жить.

Смех Марти был необыкновенно певучим, словно шум ветра. Я сразу представила себе его доброе лицо, когда он произнес:

– Ты не можешь лежать в постели вечно, подруга.

Было уже утро.

– Я знаю.

– Эмили.

– Знаю, знаю.

– Я слышал, тебя уволили с работы.

Я знала, что это случится, но все равно было неприятно. О таких вещах не напоминают, когда ты лежишь в постели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.